А. Черняев

Проект.

Советская политика 1972-1991 гг.- взгляд изнутри

1982 год.

1982 год.

16 января 82 г.

Свершилось! Итальянцы провели 11-13 января Пленум, а до этого (30 декабря) принято было постановление руководства Итальянской компартии по Польше… и отлучили нас от социализма. Логика давно уже просматривалась. Польский кризис и в особенности – военное положение, введенное 13.12, побудили их окончательно заявить, что им с нами не по дороге.

Схема проста: социализм советской модели исчерпал себя так же, как в свое время исчерпала себя социал-демократическая фаза развития революционного процесса, которая обнаружила свой тупик и несостоятельность крахом II Интернационала. Великая Россия в революции 1917 года (что она великая они не отрицают) и Ленин своим решительным разрывом с устоявшимися догмами положили начало новой фазе, которая в свою очередь закончилась. Импульс, данный революционному процессу в Октябре, иссяк. Общества, которые возникли из нее, а в Восточной Европе они были навязаны Советским Союзом, утратили способность к развитию.

И ни для кого уже не могут быть ни стимулом, ни примером, ни источником вдохновения, ни даже оплотом, ибо их укрепление – Советского Союза и перевес сил в мире в его пользу – означало бы лишение свободы выбора для всех других, кто хочет социализма, т.е. укрепилась бы ситуация навязывания советской модели.

Судьба революционного процесса зависит теперь от способности западноевропейского рабочего движения преодолеть капитализм и создать социализм, интегральной частью которого были бы все демократические завоевания европейской цивилизации. Т.е., говоря нашими штампами, центр мирового революционного движения переместился теперь в Западную Европу, причем наибольший вклад в обеспечение этого «третьего пути» на третьей фазе революционного процесса может внести именно итальянская компартия.

Не могу отказать себе, чтоб не процитировать главный пункт… тем более, что тут видна и фразеология, которая, казалась, (если не считать китайцев) совсем немыслимой среди коммунистов в отношении нас.

Итак – выдержка из доклада Берлингуэра.

«Случалось и может случиться, что общества и государства, зародившиеся в результате революций радикального характера, переживают состояние застоя, регресса, переживают моменты кризиса. Если мы обратимся к странам социалистического типа (отвлекаясь от того факта, что для некоторых из них трудно считать основой подлинное и самобытное революционное движение, т.е. массовое, народное и национальное), то произошло следующее. В силу переплетения международных и внешних условий, которые были тяжелыми, а также ошибок, допущенных, в частности, в экономической области (форсированное развитие, авторитарная централизация и т.д.), в силу явлений бюрократизации (государство – партия, монолитизм, утрата особой политической роли партии, марксизм, превращенный в государственную идеологию), в силу преобладания замкнутого догматизма и даже с налетом фанатизма (и следует отметить, что особенную опасность это представляет для уравнительных концепций, как это в течение веков происходило с христианством), стало происходить своеобразное извращение главного философского новаторства Маркса – его критики идеологии.

На первом плане вместо действительности, преобразующей и творческой практики новых фактов и новых идей оказалась идеология, даже своего рода идеологическое «кредо», каким является так называемый марксизм-ленинизм, понимаемый как окостеневшая доктрина почти метафизического типа и как совокупность формул, которые должны

обосновывать и гарантировать определенный тип экономическо-политической структуры, универсальную модель, к которой должны приспосабливаться различные формы действительности и социальные субъекты и которую в силу незыблемого принципа партии надлежит осуществлять или навязывать. В этом заключается одна из основных причин трудностей, косности, кризисов. Вот почему мы утверждаем, что эти общества нуждаются в обновлении демократического характера.»

Итальянцы видят свой интернациональный долг в том, чтобы сказать о нашем кризисе и тупике, ибо иначе партия, коммунисты могут оказаться неподготовленными перед лицом гораздо худшего, чем кризис, который мы переживаем сейчас, когда, в частности, должны закупать 25 млн. тонн зерна у своего «главного антагониста».

Они ждут потрясений в нашем лагере, по сравнению с которым польский кризис может показаться детским садом.

Пономарев рвет и мечет. Он еще после их первой реакции на военное положение в Польше (интервью Натты, Наполитано, Берлингуэра, статьи в «Уните») велел написать статью в «Новое время», чтоб призвать их к порядку, и письмо к ЦК ИКП. Письмо пошло 31.12., но они даже не удосужились на него отреагировать. Статью давно написали, еще до моего отпуска, но не успела она пройти все наши инстанции, как итальянцы выступили с заявлением по Польше от имени Руководства ИКП. Стали учитывать эту их декларацию, а пока чикались – они провели Пленум, на котором выступил Берлингуэр с докладом, а все другие, кроме Коссуты, выражались еще более резко… и без оглядки, в том числе наши, казалось, закадычные друзья, вроде Черветти…

Пришлось опять статью доделывать с учетом Пленума и переориентируя ее уже на «Коммунист». Но пока она выглядит как мелкий окрик, тявканье – поскольку произошло событие покрупнее, чем выступление Эдуарда Бернштейна в конце XIX века и чем даже возникновение троцкистской оппозиции в 20 –ых годах. Объявлено открыто о том, что все видели давно, причем с трибуны самой крупной партии капиталистического мира, – а именно, что международного коммунистического движения не существует. Рубби сказал это в прениях буквально в таких словах… И что партии, которые продолжают идти в фарватере Москвы, обречены на прозябание и исчезновение.

Но даже этот пономаревский окрик пока не проходит. Уже неделю проект упомянутой статьи лежит на столе у Суслова, а тот даже ее не прочел… и не захотел рассылать по Политбюро. Б.Н. жаловался: мол, ссылается на то, что сейчас главное – «польский фронт и необходимость отбить атаки НАТО, не допустить срыва переговоров по ракетам… А вы, мол, предлагаете открыть новый фронт борьбы. «Зачем это нам нужно?!»

Но я думаю, что эта проблема геронтологическая, а не политическая и идеологическая. Возможно, он изменит точку зрения, когда прочтет шифровку Лунькова о докладе Берлингуэра (текст-то его доклада по ТАСС'у получен лишь вчера вечером, хотя он состоялся 11. 01.).

Парадоксальность ситуации состоит в том, что полностью доклад Берлингуэра никто в нашем руководстве вообще не будет читать (за исключением, может быть, Зимянина – по старой памяти журналиста), а прочтут лишь цитаты из посольской телеграммы, которые вне контекста выглядят как голая антисоветчина.

И значение придадут итальянскому Пленуму (о котором, кстати, в нашей печати ни слова) лишь как антисоветскому и, конечно, ревизионистскому шабашу. И именно поэтому упускают из виду его историческое значение. Под этим я разумею не то, что итальянцы своей концепцией вывели марксизм и революционный процесс действительно на новый этап и дали ему якобы новое дыхание. Совсем нет! Я просто имею в виду тот действительно исторический факт, что вслед за китайцами, албанцами и многими другими наши бывшие лучшие друзья во всеуслышание осмелились заявить, что король-то голый.

Прочитал за каникулы Вл. Крупина «Сороковой день. Повесть в письмах» («Наш современник» № 11) – о том, как журналист, несостоявшийся писатель, попал в родные вятские края и что он там увидел… Как раз то, что имеют в виду итальянцы, ставя крест на реальном социализме. Поразительно, как такое выпустили. Мне говорили, что была большая выволочка и редактору и автору. Но решили (в Отделе культуры ЦК) ограничиться только этим и не поднимать шума. Но это – еще одно разительное подтверждение моих «рассуждений» о том, что наши культурные власти либо уже не могут запретить естественный процесс возвращения русской литературы к своей классической функции совести и философии жизни, либо сознательно попульстительствуют.

Кстати, насчет философии в России. В этой самой повести есть такой пассаж.

«Но вот поразила меня современная русская литература – ведь это историческая линия подхвачена: в России лучшая литература всегда философична. А на Западе – в начале философия, а литература сама по себе… Там сызмальства Монтень, Паскаль, Лихтенберг и прочие католики… А для меня, потомка православных, должны были быть свои философы: Флоренский, Федоров, Федотов, Карамзин, Вернадский, Циолковский, Ухтомский, а когда мы их читали? Уже в позднее, потерянное время».

Меня это размышление толкнуло продолжить – чего он в советском журнале автор повести сделать не мог, если даже у него это и было на уме. В самом деле, по определению Горького, классическая литература была в России и философией. Собственно философы типа Леонтьева, Вл. Соловьева, а еще Бердяева, Шестова, Розанова или тех, кого перечисляет Крупин, оказались на обочине, их знали не более десятка людей. Почему так получилось, можно найти историческое объяснение… (и потому, что в отличие от католичества, с которым слились такие фигуры, как Монтень, Паскаль и прочие, наше православие так и осталось на уровне суздальского боженьки, и в силу национального характера, и потому, что нам ускоренно пришлось догонять Европу, а значит и перескакивать через ступеньки). Не о том сейчас. Эта традиция (великая литература – философия, национальное самосознание, национальная мораль, образ мысли) была прервана большевизмом… Великая революция, сама по себе, а потом, воплотившись в великое государство, создала совершенно новую философию, - политическую идеологию, которая приобрела действительно народный, всеохватывающий характер и стала могучей движущей силой нашего общественного развития на протяжении почти 30 лет, 20-ти то во всяком случае. А чем оказалась на этот период литература, советская литература? Даже и прежде всего в своих пиковых моментах, в своей классике («Тихий дон», «Хождение по мукам», Федин, Леонов, Маяковский… - можно называть десятки имен) – вся она была и приспособлением и этой господствующей, большевистской в основе, философии жизни, и старалась ее конкретизировать в образах и образцах, развивать, применять, усиливать ее воздействие, давать ей самые разнообразные формы выражения, проявления, влияния и т.д.

Но вот, начиная примерно где-то с середины военных лет, большевизм, как идеология, как массовое сознание, как общественная и общепризнанная и авторитетная мораль стал выдыхаться. Именно в этой связи (поскольку «культ личности» не мог заменить большевизма!) начался кризис и упадок нашей литературы. Воспрянула она после XX съезда, но долго еще искала свою функцию… (Евтушенко). И, наконец, в 70-ые годы, когда ослабли узы и хватка «культурных властей», она вновь обрела свою историческую функцию, ту самую, которую уже выработала в XIX веке великая классическая наша литература… Быть философией жизни. Что-то подобное в тенденции я почувствовал, прочитав отчеты о последнем съезде писателей РСФСР. Оказывается же – это не стихийный, а уже сознаваемый самими писателями процесс. Теперь уже немыслимо то, что произошло с «Молодой гвардией» Фадеева: Сталин прочел первую редакцию и сказал – а где же тут у Вас партия, ее направляющая роль! И – появилась вторая редакция.

День рожденья Куценкова. Интеллигентные все люди, а говорить вроде бы не о чем. Это напомнило еврейский анекдот. Еврейский человек идет по улице и разбрасывает бумажки. Подходит милиционер: «Ты чем это занимаешься?»

«Листовки бросаю…»

Милиционер поднимает, смотрит.

«Так у тебя там ничего не написано, чистые листы…»

«А чего писать-то, и так все ясно!»

20 января 82 г.

Внезапно на работе почувствовал себя неважно. Отвлекла бешеная вместе с Загладиным гонка: Б.Н. на Секретариате во вторник обещал к 12 часам в среду выдать статью по итальянцам для «Правды», видимо, полагая, что то, что было поручено Тимофееву и Галкину сделать за выходные, можно быстро «довести». Однако, они представили нечто совершенно неладное: не только ни одной строчки нельзя было взять, но даже ни одной мысли.

В понедельник, в обстановке такой же гонки пришлось доделывать статью для «Коммуниста». Суслов подписал текст еще в субботу. Однако, когда посмотрели этот текст с точки зрения реноме нашего «теоретического органа» – «Коммуниста», стало видно, что он очень уж мелок. Фактически мы с Лихачевым из «Коммуниста» сделали за несколько часов что-то подходящее, солидное. Б.Н. много раз по телефону ругался: почему задерживаем, и так хорошо, надо только – де вставить ссылки на Пленум с прежними ссылками на заявление руководства ИКП от 29.12. А я в ответ: я иначе не могу, раз уж попало мне, я считаю обязательным сделать все так, чтоб какая-нибудь одна неудачная или неуместная фраза не стала звеном (в руках итальянцев), из-за которой они рассыпят всю конструкцию.

Вместо 16 страниц стало 23 и все переиначено. Вчера Секретариат ЦК утвердил этот текст – пойдет во второй номер журнала. Именно здесь-то Б.Н. и обещал дать еще статью в «Правде», а потом провести еще целый ряд мероприятий.

Загладин - в свойственной ему уникальной манере конструировать публичные выступления – продиктовал 12 страниц довольно полемического текста и отдал мне для превращения в статью. У него это заняло часа полтора, а у меня 3-4, хотя я добавил своих лишь две-три мысли.

Позвонил Вадим. Рассказал, что Б.Н. вызвал его утром и стал капризничать. Обычная история: ни одной мысли сам предложить не может, ничего путно, т.е. предметно, дельно отвергнуть – тоже, а вот «не то», да и только. Вадим вышел от него разъяренный, а придя к себе и ничего не получив конкретно, просто переклеил и сделал новые заходы. «Уверен, что теперь Б.Н.'у понравится: как же, вложил свой «решающий» вклад!»

Но это все сказки… А вот куда идет дело? Статьи эти, обе – предельно резкие. Это, действительно, обвинительный акт, брошенная перчатка. Они отлучили нас от социализма, а мы их от отвергнутых ими самими марксизма-ленинизма и комдвижения. Рвать же придется по живому телу, это ведь не с китайцами. С итальянцами у нас полувековое сожительство и объятия. Не говоря уже о том, что их акция – это действительно мощный удар по мифу, называемому комдвижением. Впрочем, в этом же № 2 «Коммуниста» пойдет другая статья – об итогах пражского совещания по журналу ПМС, в которую я много вложил (в смысле тональности, оценок, формул)… Сделал Лихачев с помощью Козлова… И если ее внимательно читать, легко увидеть, что мы (КПСС) уже не можем изображать МКД таким, каким оно до сих пор выглядит в учебниках для вузов и партшкол, т.е. для миллионов советских членов партии.

21 января 82 г.

Звонил Загладин: Б.Н. перепахал статью про ИКП как плуг, которая , оказывается, уродует почву, а этот делает ее просто бесплодной.

Сегодня она утверждалась на ПБ, как и «план мероприятий» в отношении итальянцев.

Позвонил вдруг Дезька (Давид Самойлов). Сидят с Карякиным пьют водку. Решили позвонить мне, чтоб сказать, как они меня любят. Дезька пожаловался, что Наровчатов незадолго перед смертью признался ему, что горд, что принадлежит к его, Дезькиному, поколению, хотя сам был и на финской и в Отечественной воевал больше Дезьки.

Кстати, «Новый мир» начал публикацию Наровчатова посмертно. «Ведьмы» – вещь глубокая. А по радио недели три назад я слышал запись его воспоминаний о последних предвоенных годах – ИФЛИ и проч.

Меня Дезька числит за князя Горчакова в Пушкинских (своих) лицеистах.

Впрочем: пример Наровчатова заслуживает внимания. Он, как и Константин Симонов, был солдатом своего времени и страны.

22 января 82 г.

Вышел сегодня на работу. И лучше бы этого не делал. Основной крутеж шел вокруг двух статей по итальянцам (для «Правды» и для «Коммуниста»). На Политбюро решено было «поручить Пономареву доработать в духе обсуждения». Тот сразу обещал это до середины пятницы.

А произошло, как мне рассказал Загладин, следующее. Б.Н.'у он подготовил памятку, чтоб что-то связное Пономарев произнес на ПБ. Загладин мне прислал ее домой: она умеренная и взвешенная. Но, как выяснилось, - об этом сообщил потом Загладин, Блатов, - Б.Н. ее не произнес, а твердил только, что с ИКП «много работали»: Брежнев три раза встречался с Берлингуэром, он сам, Пономарев, столько-то раз, другие и т.п., письма писали, посылали делегации и, однако, - «вот, мол, что имеем». Это заключение добавил уже Блатов: мол, так не докладывают, - «работали-де, работали, а результат обратный. И Леонида Ильича впутал в эту работу»… Но здесь - вся логика Пономарева, логика чиновника, человека в 77 лет на побегушках. И в этой ситуации ему главное – оправдаться, показать, что он, как секретарь обкома в своей области, все сделал, что мог, а они вот такие сволочи – ни с чем не считаются. Он в этом своем чиновничьем раже, мелкотравчатом карьеризме, который стал второй натурой, хотя и потерял в его возрасте и положении всякий смысл, - не в состоянии правильно оценить даже своих коллег, которые не занимаются МКД, и даже внешними делами вообще, но проявили гораздо больше политического чутья и делового подхода.

Вел ПБ Черненко (Суслов болен, а Брежнев в Завидово). Андропов, не зная еще мнения Л.И., начал с того, что, мол, надо еще подумать, чего мы хотим, нельзя не рубить с плеча, нужен хороший план работы, чтоб «сохранить партию (ИКП) с нами».

А в это время происходило следующее. Загладина не пригласили на ПБ. Он сидел у себя. Звонок по спецтелефону: Брежнев. «Читал, говорит, я эту вашу статью (для «Коммуниста»), вернее Галя мне ее прочла. Клочковатый текст, видно, что много народу писало. Есть места ничего, а есть банальность и скука, как сам ваш шеф (Пономарев). А главное – неизвестно, чего мы хотим. Что – рвать с ними или работать с ними? Ты как думаешь, только прямо мне скажи»…

Загладин якобы ответил: конечно работать!

«Так это же ты тогда здесь пишешь? Зачем эти истерические ноты, эта ругань? Мы же большая партия, солидная сила, мы – партия Ленина. И надо спокойно порассуждать, попытаться объяснить, конечно, ясно изложить свое отношение, но не превращать статью в

обвинительный акт… (это как раз то, что требовал от нас Пономарев, буквально такими же словами: чтоб не дискуссия, даже не полемика, а – «обвинительный акт»!)».

Договорились? – закончил Брежнев, - и положил трубку.

Но, как вскоре выяснилось, он то же самое сказал Черненко. И тот, выслушав всех, от имени Леонида Ильича изложил вышеупомянутое.

Б.Н., примчавшись в Отдел, собрал Загладина, Зуева, Смирнова и, как ни в чем не бывало, стал «откручивать назад», обвиняя присутствующих в том, что получилось не то, чего потребовало ПБ. Ни намека на угрызения, на то, что сам виноват, он же давал Загладину по ушам за либерализм и сам жаловался мне на Загладина, что тот «потворствует». И делал это не раз. Первый проект для «Правды, который мы с Загладиным подготовили, он забраковал, как раз на том основании, что он «даже мягче», чем текст для «Коммуниста». Тьфу! И вот под таким человеком приходится ходить и выкладываться, чтоб он на публике не выглядел анахроническим кретином!

Все это меня взвинтило до внутренней истерики. Особенно, когда я увидел результат работы Зуева, Смирнова и самого Пономарева над текстом после и по итогам ПБ. Если и в предыдущем варианте была клочковатость, бросившаяся в глаза Брежневу, то теперь он превратился в набор абзацев, часто совсем не связанных между собой. Правка и дополнительные фразы, исполненные «самим», были ярчайшими образчиками «банальности и скуки», на которые так метко указал Брежнев.

Хитрый Вадим занялся статьей для «Правды» и начисто отключился от этой статьи… - после комментариев Брежнева ему совсем ни к чему было ассоциироваться с нею.

Совсем вечером, после совещания у Б.Н. с участием Зимянина, Замятина, ТАСС и радио, Рахманина, Шахназарова по поводу предстоящего 30 января «Дня защиты Польши», организуемого Рейганом, я в довольно нервном тоне высказал свое отношение к новому тексту (в присутствии Загладина и Меньшикова).

- Вы не в курсе дела, - парировал Пономарев… Было, де, Политбюро.
- Я в курсе дела. И я не возражаю против политических оценок, которые появились в результате Политбюро, но я считаю, что дело слишком серьезное, чтобы выпускать на весь свет столь полуграмотное по языку и элементарно беспорядочно по логике сочинение

Он озлился. Я тоже.

- Чего вы хотите?
- Я хочу, чтоб текст был читабелен, чтобы одно было связано с другим и чтоб об одном и том же не говорилось в трех местах.
- Вот и сделайте, - резюмировал он. – Но так, чтоб видно было, что вы сделали.

И я пошел делать… Идиот! Поучиться бы у Загладина!

А совещание, о котором я упомянул (по поводу Рейгана и Польши) – еще одно доказательство мелкой суеты, в которую то и дело выливается его неуемная активность и желание показать, что он делает все необходимое, чтобы дать отпор!

<u>25 января 82 г.</u>

Сегодня утром позвал меня Пономарев. Встал и неожиданно сообщил, что Суслов совсем плох. 11-го, помню, он согласился на статью об итальянцах. Потом лег в больницу на обследование. Через неделю выяснилось, что все в порядке. А три дня назад – удар (кровоизлияние). И вот с тех пор – без сознания. В этом году ему, мол, должно было быть 80 лет. И начал летальную речь, неожиданную, потому что никогда он Суслова не жаловал, как видимо, и тот его, а все подозревали, что именно он, Суслов, не пропускает Б.Н. в члены Политбюро. (Мнение, впрочем, не подтвержденное. Думаю, что этого скорее Брежнев не хочет!).

Так вот: Вы, говорит, не представляете, какова его роль во всех наших партийных и политических делах…и в этом… (показал руками), из чего я должен был понять – в регулировании отношений и определении позиций верхушки.

Я ответил, что представляю. Со своей стороны добавил, что он даже МИД, Громыку умел обуздывать. И тот смирялся беспрекословно. Его мнение было абсолютным: в Секретариате, в Политбюро, никто и не задумывался, согласовывает он его с Брежневым или нет.

Б.Н. продолжал: конечно, мол, от каких-то дел он уходил, тянул иногда, не хотел чего-либо. Но его достоинство было (!) в том, что он руководствовался только интересами дела. Никаких привходящих, особенно личных мотивов, кумовства и т.п. у него никогда не замечалось. Все это знали. И на этом во многом строился его огромный авторитет в партии. Он никого «своих» никогда ниоткуда не тянул. У него не было любимчиков, «родственных» предпочтений и выдвижений. Здесь он был принципиален. Да и личный интерес, если он вообще у него был как таковой, никогда не вылезал наружу… Что-то теперь будет?!

30 января 82 г.

Вчера хоронили Суслова. Впервые я «шествовал» от Дома Союзов до Мавзолея. Продрог до окостенения.

Думаю, что это самая значительная смерть после Сталина. Не знаю, какую роль он сыграл в разоблачении «культа» и в XX съезде, но после этого он, как серый кардинал, определял всю главную расстановку сил в «верхушке». Решающей была его поддержка Хрущева против Молотова и К^{o} в 1957 году. Думаю, именно он был инициатором сдерживания антикультовской стихии, хотя и «потянулся» за Хрущевым во втором всплеске антисталинизма на XXII съезде (это, видно, надо было, чтоб покончить с молотовским наследием). Он сыграл главную роль и в свержении Хрущева… Именно он произнес обличительную речь на Октябрьском Пленуме 1964 года.

И, если б он хотел когда-либо стать «первым» (а он этого никогда не хотел), то именно он бы и стал тогда в 1964 году, но он выдвинул Брежнева, а фактически – троицу: Брежнева, Косыгина, Подгорного.

Наконец, в начале 70-ых ему принадлежало решающее слово в «ликвидации» троицы и единоличном выдвижении Брежнева. Помню Пленум 1973 года (тогда как раз назначили Громыко, Гречко и Андропова членами Политбюро). Впервые задуманы и были произнесены восхваления в адрес Л.И. Впервые (с большой неохотой, спорами и сомнениями, помню, как сопротивлялся этому Б.Н., когда я готовил проект резолюции) – впервые было документально зафиксировано слово «и лично»! С тех пор и пошло. Так вот, помню напряженную атмосферу на Пленуме. Один за другим выходили на трибуну и пели хвалу… Но все ждали: выступит ли Суслов, а если выступит, что и как скажет. Он произнес короткую речь… по делу. Никаких всхлипов и восторгов, даже просто преувеличений не позволил. Но сказал главное: «И лично товарищ Брежнев!» С тех пор мы и живем под этим по нарастающей.

Но тот Пленум и это поведение Суслова определили и ему прочное (вне всякой конкуренции, как Кириленко ни старался выслуживаться) второе место и безусловный неоспоримый автономный от Первого авторитет.

Впрочем, реальный, а не сделанный пропагандой и соображениями самосохранения и продвижения в верхушке, авторитет у него был издавна – с конца 50-ых годов, на идеологическом уровне – даже с конца 40-ых годов. И во многом это был скорее моральный авторитет, а не авторитарный, не от власти, так как в его бескорыстие, в его действительную скромность верили, знали, что ему не свойственна личностность, злопамятность, кумовство.

Да и не было у него, что называется, «своих» людей, «друзей» в сугубо родственно-личном плане. Это наш Савонарола, только без его жестокости.

Все сейчас задаются вопросом – кто вместо?!

Вещь очевидная: Черненко. У него много хороших качеств. Ими он очень похож на Брежнева. Но он, конечно, ни в какое сравнение не может идти с Сусловым по своему моральному авторитету в партии и стране. Слишком уж он аппаратного происхождения, слишком уж он личный выдвиженец Генерального и демонстративно «личный друг». Впрочем, сейчас такие времена пошли, что моральный авторитет (в былом смысле) не требуется.

На сусловских похоронах Рябенко еле втащил Брежнева на Мавзолей, но речь он произнес бодро, ни разу не сорвался. И умно́ – что именно он сам, а не кто-либо другой, чтоб не демонстрировать «прямого наследника»… Хотя в похоронную комиссию были включены и Черненко, и Кириленко. Кое-кто еще ждет соперничества между ними. Но это – пустое. Кириленко списан и его только разве терпят.

Для нас в Международном отделе теперь проблема: к кому Б.Н. будет бегать, чтоб оперативно «предрешать вопросы»?!

Впрочем, Константин Устинович готов к этому и уже поднабрался международного опыта. Но вот сможет ли он на первых порах противостоять экстремизму Пономарева, который апеллирует к своему «профессиональному» знанию проблем, людей, к опыту в этой области.

Однако, полагаю, быстро освоится. И поможет ему Загладин, который «вхож» к Черненко и который будет подсказывать ходы до того, как Б.Н. прибежит с папочкой.

У Суслова, бывало, с такими вещами не забалуешь. Он не любил непрошенных советов, да и Загладина не очень жаловал: в сусловском смысле не проглядывалась в нем «партийность», а уж о скромности и говорить не приходится.

27 февраля 82 г.

Весь февраль не писал. Занят был в начале итальянцами (пока Загладин был с Черненко на съезде ФКП). Написал, в частности «Реплику», опубликованную в «Правде». Воспринята в мире, как «примирительный» шаг. Между прочим, в первом варианте я попытался для ради объективности, хотя бы перечислить термины, в которых итальянцы нас кроют («окостенение мысли», «превращение марксизма-ленинизма в государственную идеологию – кодекс омертвелых догм», «державная политика» и т.п.). Андропов вместе с Тихоновым предложили Б.Н.'у эту страницу целиком вычеркнуть.

И опять мы открыты для ударов: итальянцы публикуют все, что мы печатаем в ходе полемики, а мы даже не цитируем. Они развернули против нас, против «реального социализма» ядовитую кампанию, и уже не оглядываясь, раздевают нас перед лицом и своих коммунистов, и всего мира.

11 февраля я с Мостовцом и Уласевичем полетел в Канаду на съезд компартии. Дневник примерно такой:

12 часов полета до Монреаля. Гренландия. Аэропорт «Мирабель». Яковлев, консул и другие. Гуляние по аэропорту с Александром Николаевичем – весь закомплексованный за то, что он 9 лет в «этой ссылке»: якобы за статью в «Правде» с оскорблением патриотизма. Он был тогда зам. зав. Отделом пропаганды ЦК. Разговоры о Брежневе, Подгорном, Демичеве, Зимянине, Боголюбове. Последнего он в 1962 году отказался взять к себе в Отдел зав. сектором за «убожество». Черненко, оказывается, тоже был зав. сектором у него в Отделе. Стоны о возвращении домой. Человек, который, к моему удивлению, считает, что он еще много мог бы сделать, дай ему соответственное поле деятельности.

Через 4 часа сели в аэробус и улетели в Торонто. Встречал сам Каштан, сам доставал коляски для багажа, сам вез через город в Holiday inn.

Следующий день свободный перед съездом: автомобильная выставка с Секретевым и другими фирмачами, Брагиным и Меликяном. Обед в шикарной гостинице, где в это время Трюдо давал пресс-конференцию. Чтение доклада Каштана – чтоб показать Брагину, что следует (и чего не следует) взять для «Правды».

Вечер у Джона Вора (корреспондент «Canadien tribune» в Москве).Эдварда, бывшая любовница Рихарда Зорге. Лиза – их родственница и домохозяйка, учительница французского, на котором она разговаривала со мной.

В субботу, 13 февраля – начало съезда. Бурные приветствия. Доклад Каштана… «штрейкбрехеры социализма» в адрес ИКП – бурные аплодисменты. Мое выступление первое из иностранных, сразу после обеда.

Вечером открытый банкет тут же. 1000 человек. Тост Каштана. О КПСС только упоминание на предпоследнем месте.

Обедать нас определили с украинцами из Альберты. Три могучих хохла-фермера, которые в разговоре с нами все время путают древне хохлацкий язык с английским. Примитивные, прижимистые куркули, но фанатично преданные своей бывшей Родине – Украине. Они из тех, кто сами уехали в 20-ых годах. Главный среди них – Федор (около 80-ти, вполне бойкий дед), он же председатель правления провинциальной партийной организации. А главная их «партработа» – чтоб молодые не забывали Украину.

В тот же день после обеда я давал интервью двум крупнейшим газетам «Глоб энд Мэйл» и «Торонто стар». Они очень настаивали и Каштан хотел. Но их интересовала только Польша. Все мои попытки увести разговор на гонку вооружений и прочее, не увенчались успехом. А на другой день я прочитал: «Коммунистический босс согласен с Трюдо, что военное положение было наименьшим злом». Вот и все – из получасовой беседы!

В понедельник, во время закрытия заседания, выборов нам показали телевышку, самую высокую в мире (на 17 метров выше московской) и научный центр (вроде нашего Политехнического музея) – гордость торонтцев. Потом закрытие съезда. Ораторская речь Каштана.

Вечером прием в ЦК. Мне пришлось говорить тост. Экспромтом, ибо Каштан меня спровоцировал. Но, кажется, получилось.

Утром в ЦК – мой доклад и вопросы-ответы с новым исполкомом плюс все члены ЦК из Торонто и близлежащих мест. Я был на подъеме и вроде бы говорил интересно, но унылый переводчик оскучнял меня так, что некоторые, я видел, дремали.

Заехали по пути в аэропорт на наши фирмы «Станкоэкпорт» и «Беларусь». Торгуют сельскохозяйственными машинами и программными станками. Молодцы ребята: любо дорого смотреть, как они ведут свое хозяйство. На две организации – 7 советских менеджеров и инженеров, остальные – канадцы, а зарабатывают хорошую валюту для страны.

Затем Секретев, напоив нас виски, проводили в аэропорт. Через час мы в Монреале.

В среду с утра отчет-шифровка, обед, прогулки по городу. Вечером валялся у себя в номере. Появился Яковлев. Далее немецкий ресторан «Мюнхен» – место развлечения здешних немцев. Оформление стен – средневековая Германия, пивная тема, кельнерши в старонемецких нарядах.

Возвращались с Яковлевым пешком. Он истосковался по родине…, крыл порядки, начальство, бардак, бесстыдство Громыко, охоту Кириленко в Ярославской области… Рефрен: «Куда мы идем? Что будет? Что делать?» Словом, обычное состояние интеллигента плюс глядя со стороны, плюс личная обида, плюс незаурядность личности, которого лишили работать по способности.

В четверг утром магазины, потом обед в консульстве с Сэмом Уолшем. Он интересный человек. И - в аэропорт «Мирабель», и долгий полет. Вот и вся Канада.

Служба. Вадим, как всегда болеет после заграничной командировки. А на меня вся нагрузка реального сражения с итальянцами и проч. неуемные инициативы Б.Н. Он теперь вознамерился разоблачить НАТО. Очень он его не любит. Составили бумагу: 16 страниц предложений, как покончить с НАТО.

13 марта 82 г.

Продолжаю возиться со статьей против итальянцев. Любопытны замечания членов Политбюро по рассылке, особенно Андропова. И это уже второй раз. Возражения против того, чтобы много распространяться о реальном социализме, т.е. заниматься хвастовством. Он, а вслед за ним Тихонов и Устинов, предложили «радикально» сократить статью именно за счет этого раздела. Впервые – то же было сказано по моей «Реплике». Но тогда еще можно было подумать, что не хотят цитировать ругательные выражения ИКП в наш адрес, а здесь… сомнения отпадают. Видимо, готовятся к периоду после того, как «прозвенит большой колокол» (выражение Ю. Арбатова).

А мой Б.Н., приближаясь к 80-летию, никак не отрешится от пропагандистско-полицейского образа мысли, хотя он лучше других информирован о сути и характере итальянского дела. Его поразило – и он не поверил своим ушам и глазам, когда я ему показал замечание нашего премьера на полях: мол, неверно, что мы строим больше всех жилья. В США строят в два раза больше (235 млн. кв. м. против наших 110-105). И даже японцы давно нас обогнали – 136 млн. кв. м. Он тут же позвонил в ЦСУ, в институт Арбатова, но там, увы, подтвердили, сообщив в добавок, что по метражу на душу населения и сравнивать неприлично. На несколько секунд он был в растерянности, но тут же оклемался и стал править это место текста.

Что декабристы были страшно далеки от народа – это была их беда (но не вина). А тут сознательное закрывание глаз на действительность ради пропаганды. По человечески можно понять его, воспитанного в атмосфере «Краткого курса», хотя и ненавидящего культ. Впрочем, он сводит его только к репрессиям.

Видел «Так победим!» в Художественном театре М. Шатрова и Ефремова. Кстати, на спектакле был сам Хаммер, которого на сцене с блеском изобразил актер. Ленина великолепно дал Калягин. Это – акт художественного и общественного значения. Не раз я, забываясь, ощущал, будто передо мной не актер, а сам Ленин. Еще потому, что текст из «Полного собрания сочинений». Великий, гениальный текст. И долго потом не покидает чувство, что наша родина и революция дала человека, с которым никого в мире на протяжении тысячелетий невозможно поставить рядом.

Вчера пришла телеграмма от Г. Миса: жалуется, что венгры подрядились строить в каком-то рейнском городке казармы для НАТО'вских войск! Вот те раз!.

Арбатов забегал после того, как встречался с Б.Н., проговорив предварительно со мной по телефону тактику: Арбатов в обиде, что все его поездки на всякие комиссии Пальме, выступления в парламентах (Канады) и других местах, по западному TV – здесь никто не замечает, даже газеты не сообщают. Я посоветовал все-таки начать не с «личных жалоб», а по делу. Заинтересовать Б.Н. какими-нибудь антиракетными идеями. И это сработало…

А до этого он встречался с Андроповым. Тот попросил помочь в подготовке апрельского ленинского доклада. Проговорил с ним о желательности отставки Лапина и замены его Сашкой Яковлевым (из Канады). Ю.В. в принципе воспринял, но сказал «пусть еще уляжется» (чего?), ведь он был связан с «комсомольцами» (шелепинцы).

Не очень ясно выражался Арбатов, по-видимому, туманно шла речь о послесусловских перестановках. Ю.В. очевидно хотел бы переместиться в ЦК на должность

Секретаря, так как, комментирует Арбатов, с поста в «тайной полиции» неловко будет сразу в Генсеки-то…

Вообще проблема: он ведь единственный из возможных претендентов на роль М.А. и «соперник» Устиныча.

<u>21 марта 82 г.</u>

Был вызван на работу, так как «письмо братским партиям», которое Б.Н. срочно заставил нас сочинять – подгоняловка по поводу инициатив Брежнева на XVII съезде профсоюзов – возвращено в Отдел с замечаниями. Суть замечаний: директивный тон, и если, мол, попадет не в те руки, станет прекрасным доказательством, что «антивоенное движение» – это рука Москвы. И еще одно – такие вещи лучше готовить с МИД'ом. Тут уж чувствуется (как и в первом замечании) рука Александрова-Агентова. Мы с Загладиным за полчаса все поправили, отдали в перепечатку, чтоб потом пошло к Б.Н.'у.

Прием в венгерском посольстве по случаю Дьюлы Хорна. Наши с ним, с Б.Н. и Загладиным переговоры. Умный человек. Глубоко копает. Олицетворяет стремление (не только) венгров быть самостоятельной величиной в международных делах, хотя и в общем русле. Мы же занимаемся с ними «теоретическими» дискуссиями о международной обстановке и проч. Он под конец прямо спросил: а вы, Международный отдел, имеете непосредственное отношение к Женевским переговорам, к ОСВ-2…, хотя - знал ответ.

Но начал я с приема у М. Сюреша в посольстве. Направленная тостовая хвала Арбатовым Кадара – явно на контрасте. Пьяные тосты Шишлина на тему о том, что во главе социалистической страны может стоять только тот, кто не ворует, кто не обманывает, кто не занимается кумовством в кадровой политике и т.п. Венгры все секли, ухмылялись и хвалили себя, а мы – их. Я в том числе. Не люблю я эти стриптизы, недостойно. Но это – в российской манере. Однако, как разложение в верхах, так и разухабистость в самообличении всегда у нас идут рядом.

<u>27 марта 82 г.</u>

Брутенц вернулся из Йемена. Главное впечатление - от визита туда же две недели назад зятя Брежнева, первого зама министра внутренних дел, сделанного на XXVI съезде КПСС кандидатом в члены ЦК Чурбанова. Посол и его жена, в присутствии других, в ужасе: такого позора, такой дискредитации нашего государства, его руководства, всей нашей политики трудно себе представить. Начать с того, что он совершенно бухой вывалился из самолета и чуть не рухнул (если б не подхватили) перед «высокими встречавшими», почетным караулом и т.п. «Деловые встречи» пришлось все отменять, потому что с вечера и до утра он безобразно надирался в своем окружении подхалимов и лизоблюдов, а с утра и до обеда его невозможно было разбудить. А когда однажды это удалось, так того хуже. Потому, что он нес такую ахинею, что переводчику нечего было переводить. Президент вынужден был послать послу запрос – «стоит ли принимать гостя на уровне президента». В ЦК его просто отказались принимать – отменили запланированные встречи.

Посол устроил, понятно, прием, но высокий гость то и дело тыкался мордой в тарелку, будучи совсем не в себе. Его пришлось увести, так как мундир уже был похож бог знает на что.

В минуты просветления главная его внятная фраза начиналась всегда: «Мы с Галиной Леонидовной…» Восточные люди в этом смысле понятливы: обратно увез несметное количество чемоданов и ящиков.

Второе впечатление: госпиталь строим йеменцам с 1975 года, пока три этажа корпуса. В столице, когда спрашивают встречного «как дела?» – отвечают: «Как в

госпитале». Французы тоже девятиэтажную гостиницу высшего класса поставили за 2 года. ТЭЦ строили около 10 лет и пока – нулевой цикл. Японцы более мощную возвели в полтора года. Ведем разведку на нефть: с 1974 года пробурили только одну скважину.

Повсюду полно болтающихся (купающихся) наших специалистов-бездельников.

Итак: с Чурбановым, который являлся у нас одним из главных (по должности) ловцов воров – все ясно. Плюс – дело цыгана, циркача Калевалова, тоже связанное с Галиной Леонидовной.

А как боремся вообще: вчера мне рассказали про Насреддинову, которая была председателем Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Известно, что несколько лет назад ее сняли, потому что на делах по амнистии она набрала взяток на 23 миллиона рублей. Ей дали строгий выговор в КПК, однако сделали зам. министра строительных материалов. А когда пришло время на пенсию – ее направили председателем Комитета солидарности с Вьетнамом. «Местные» товарищи сопротивлялись, но получили звонок сначала от Петровичева, а потом и от самого Капитонова. Пенсию ей положили 300 рублей, плюс зарплата в Комитете – 270 рублей. Когда наша референт, перезваниваясь, спросила вежливо: как поживаете? Ответ был: «Да что вы, я процветаю!» Вернула она из 23 миллионов только 3… Причем, в дальнейшем выяснилось, что вокруг действовала целая мафия: смертные приговоры преднамеренно выносились в делах, которые совсем необязательно требовали высшей меры, - чтоб легко было их отменить с помощью Насреддиновой.

Еще один случай: Чуркин, который был вторым секретарем у Мджаванадзе в Грузии и вместе с ним проворовался, после снятия ворованное спрятал в хате (на Украине, на родине). Выследили и в его присутствии размуровали стены мазанки, извлекли сплошные ценности. Отделался, однако, выговором в КПК и был назначен директором завода. А недавно в «Правде» появился очерк о нем, как об образцовом хозяине, - достижения, опыт и прочее. Спохватились, когда газета уже вышла…

Брутенц осенью был в Баку, хоронил брата. Привез оттуда – весь город знает, что Чурбанов и Галина Леонидовна были там в гостях, уехала она с ожерельем, он с запонками и булавкой к галстуку на общую сумму в 1миллион 800 тысяч рублей.

Алиев постарался, однако не без намека – от «самого!»

И т.д. Достаточно читать «Литературку», «Советскую Россию», да и саму «Правду».

Кстати, 15 марта «Женьминь Жибао» выступила со статьей, смысл которой – если не остановить коррупцию в партии и государственном аппарате, - революция погибла. Очень грозная и очень откровенная статья в теперешнем китайском стиле.

Грличков (СКЮ) выступил по своему TV – о том же, коррупция, хищения, прочие экономические преступления – угроза для нации и партии.

Польша – само собой.

Что же получается?

Конечно, есть объективные причины. Однако, такого лихоимства большевистская партия не знала. При Сталине и даже при Хрущеве подобного даже представить невозможно. Хрущев не постеснялся (перед всем миром) расстрелять банду валютчиков, которые, впрочем никакого отношения к государственному аппарату не имели.

Сейчас, оказывается, тоже расстреливают, но втихомолку, так как слишком скандальные исключения пришлось бы делать. Возникли бы ненужные вопросы, почему, например, тех, кто украл, положим, миллион отправляют на тот свет, а тех, кто – 23 миллиона отправляют руководить солидарностью с героическим Вьетнамом.

28 марта 82 г.

Увлекся Блоком. Проза 17-18-19 годов. Велик. И поразительно – в школе, т.е. значительно ближе к тому времени, когда он еще был жив (1921, 1936-37, всего 15 лет), чем с тех школьных лет до 1982 года…, мы его воспринимали совсем иначе. Мы просто его не знали, не позволено было его знать. Впрочем, сегодня эта проза звучит пророчески… Тогда бы она и не могла так восприниматься.

Поразительно и другое: как и Пушкин, Байрон, Бодлер, как и они – он наилиричнейший из поэтов, сверхпоэт, «на поверку», оказывается, рациональнейшим (до цинизма, но не до бесчестья) реалистом! И очень приземленным. Маяковский таким не был. Поэтический «восторг» его никогда не покидал.

Прочитал статью Люсьена Сэва (ЦК ФКП) – об отказе ФКП от марксизма-ленинизма и почему. А мы итальянцев кроем. Здесь – то же самое. Только ругани нет в наш адрес. Существо же дела Пономарева не интересует. Даже у него нет ни времени, ни сил вникать в существо. Хотя он по должности обязан бы это делать. А впрочем – зачем? И здесь «дух» распада.

2 апреля 82 г.

Работы сейчас немного. Б.Н. уехал в отпуск на Юг. Загладин и все прочие замы на месте, так что текучка распределяется на многих. А основное мое занятие – готовить Пономарева к димитровским торжествам в Софии – еще есть время. Хотя то, что после полуторамесячной деятельности представили мне вчера консультанты, - порядочное убожество: Ежов, Берков, Козлов и, увы, Вебер, который думал остаться роли координатора.

Еще раз подтвердилось, что даже у нас люди не хотят работать «по совести». Не верят, что это кому-нибудь нужно и принесет пользу. А чувства корпоративного престижа, допустим, передо мной, перед товарищами, уже настолько ослабли, что стимулом не являются. И все-таки противно, когда доктор, профессор, консультант фильма про Штирлица пишет такую жвачку, такой примитив, да еще пытается отстаивать свой текст.

Делал длинное внушение, сдерживаясь, «в позитивном плане», пытался внушить необходимость воображения соответственно моменту: от нас, мол, от КПСС, ждут, что же мы думаем о нынешнем МКД… Кризис это и упадок или перестройка, от которой мы ждем нового подъема. Зачем оно нужно сейчас? Какое нужно? В чем мы видим его основы и марксизма-ленинизма тоже. Что такое вообще ревизионизм, а что основы марксизма-ленинизма, хоть попытаться перечислить. Ведь никто уже (кроме студентов для экзамена) не знает, что это такое... Попытаться изобразить, что мы «входим в положение» братских партий, понимаем как не просто определить сейчас что и как делать, что поиск нужен, но «в правильном направлении». Это слова Брежнева на съезде, но что они конкретно означают, что мы сами под ними имеем в виду.

И не поучать, не декларировать, что есть плюс, что минус, не ставить отметки. Порассуждать и тем самым попытаться определить свое собственное место среди компартий, показать, что мы тоже думаем, ищем, пытаемся «творить».

Наверно, все это иллюзии. Пономарев, если он даже в состоянии понять эту потребность (от нас ждут братские партии «современной концепции» МКД), он не возьмет на себя сказать это публично: не по Сеньке шапка… Хотя София будет после Пленума ЦК, на котором, может быть, что-нибудь и произойдет.

И вроде должно бы: Пельше в больнице, давно и серьезно, Кириленко не появляется уже около двух месяцев, говорят, «шпоры», ходить не может, и размягчение мозга, уже сильно сказавшееся не только на памяти, но и на способности связно говорить (чем он, впрочем, никогда не отличался).

Брежнева сняли с самолета, прилетевшего из Ташкента, стоять на ногах не мог, и прямо в санитарную машину, на Грановского. То-то все удивились: отлет из Ташкента показали по TV («Время»), а прилет в Москву – нет. Говорят, что на то время, когда его должны были везти из Внуково в больницу, прохожих на улицах «просили» уйти во дворы, в подъезды и т.д. Зачем – уму непостижимо.

Да еще упорно говорят в «прилегающих сферах», что Андропов «хочет вернуться в ЦК». В самом деле, – Секретарей ЦК одновременно членов Политбюро осталось только двое: Черненко и Горбачев.

На этой неделе был у нас «вторник», партбюро устраивает доклады каких-нибудь интересных деятелей для Отдела. На этот раз выступал зав. отделом Госплана – о том, как идут дела с подготовкой «Продовольственной программы» (будет обсуждаться на Пленуме ЦК).

Дела весьма плачевные.

К 1990 году (конечный рубеж программы) не выходим на рациональные нормы потребления. (Хотя они и были снижены Академией медицинских наук – эти его слова были покрыты долгим, громким смехом зала)

В 1968 году АМН определила нормы:

по мясу – 78 кг., теперь – 70 кг.;

по молоку – 405 л., теперь – 360 л.;

по овощам – 165 кг., теперь – 146 кг.

Так вот: к 1990 году он обещал достичь рациональный нормы только по сахару (сохранить то, что есть сейчас – 44 кг., причем, АМН считает, что это больше, чем нужно современному человеку).

По мясу , может быть, доберем до 67-68 кг., а по овощам и фруктам – дай бог к 1995 году доберемся до нормы 1968 года.

По хлебу (по зерновым), чтоб дать норму, надо произвести 285 млн. тонн, т.е. по тонне на душу. А сможем, говорит, дать только 260-270 млн. тонн.

По мясу – по норме надо бы произвести 26,5 млн. тонн, а произведем к 1990 году только 21 млн. тонн. Сейчас считается, что у нас 58 кг. на душу. Однако, с 1975 года мы не увеличили ни на грамм, наоборот, произошло снижение на 2 кг., в то время как с 1935-1975 увеличили производство на душу на 17 кг.

Растительное масло – плохо. Уже 10 лет мы планируем взять в год 10 млн. тонн, а получаем всего 4 млн. тонн. Раньше мы растительное масло экспортировали, теперь приходится ввозить.

По молоку и молочным продуктам к 1990 году планируем произвести по 20 кг. на душу. Это недостаточные темпы, но их едва ли удастся выдержать, потому что надои из года в год падают. И в 1982 году эта тенденция еще более усилилась.

Сейчас по импорту: молоко и молочные продукты – 28 кг. на душу, мясо – 6 кг. на душу. Цель – добиться полного исключения из импорта продовольственных товаров, за исключением сои (ее нам нужно 10 млн. тонн, а производим при всех усилиях ½ млн. тонн).

68 % колхозов и совхозов – убыточны, на дотации. Чтоб помочь им стать рентабельными, нужно сбалансировать цены между городом и деревней. Для этого надо 15 млрд. рублей. Где их взять, Госплан не знает.

Сейчас государственные дотации на мясо, молоко, масло – 30 млрд. рублей. В два раза дороже обходится их производство, чем продажа. Выход – повысить цены. Но это – вопрос политический.

А пока же хозрасчетом в колхозах и совхозах и не пахнет. Они знают, что банки им спишут задолженность. Заинтересованности же в расширении госпроизводства – никакой. И из деревни продолжают бежать. Чтоб не бежали, нужно жилье, дороги, механизация…

Потери при транспортировке, хранении – 8-10 млрд. рублей. Это только учтенные. Планируют снизить потери на 35-40 %. Почему не на 100 %? Потому, что для этого потребуются серьезные вложения в создание новых машин, в тару, в хранилища, дорожное строительство и т.д.

Индивидуальный сектор дает 28 % валовой стоимости сельскохозяйственной продукции. Только в два последних года этот сектор начал давать чуть меньше.

Таковы перспективы.

Западная печать сообщила, что мы закупили на этот год 42 млн. тонн зерна. Одновременно печать полна сообщений, что наши валютно-финансовые резервы аховые. Мы потеряли огромные суммы из-за падения цен на нефть (наш главный экспорт), на золото, алмазы… Должны были выбросить на рынок что-то около 30 тонн золота, чтоб покрыть дефициты. А ограничения в кредитах – политика Рейгана и НАТО, вынуждает нас платить наличными.

Правда, большинство экспертов считает, что Советский Союз задушить нельзя. Но вот страны Восточной Европы можно и нужно. СССР, мол, не выдержит бремени выручать их из долгов (а у них их вместе взятых 58 млрд., т.е. в 4 раза больше, чем у самого СССР) – и он вынужден будет «отпустить узду»: пусть, мол, бегут на Запад…

4 апреля 82 г.

Я уже писал, что увлекся вдруг и вновь прозой – публицистикой Блока. Ибсена он подает лучше, чем кто бы то ни был (из тех, кого мне, конечно, приходилось читать). Он спровоцировал меня взять из шкафа пьесы, которыми я упивался годах в 1937-39. Проглотил «Строителя Сольнеса» (в довоенном переводе от писался «Сульнес»). И удивился – производит. Может быть, впрочем, с подачи Блока, - сильнее понимаешь, когда тебе на таком уровне сообщают о смысле (и смысле формы) писателя. С другой стороны – как все давно было! И сам Ибсен, и мое увлечение им!

18 апреля 82 г.

Умер Зародов (главный редактор журнала ПМС- «Проблемы мира и социализма») после десяти дней беспамятства от внезапного, но четвертого инфаркта. Вчера был вызван на работу – Пономаревым с Юга по димитровскому докладу, а пришлось заниматься похоронными бумагами. Главное – на каком уровне подписи под некрологом и на каком кладбище хоронить. Б.Н. считает, что «для поддержки авторитета журнала» желательна первая подпись Брежнева и всех секретарей ЦК.

Оказывается, он «на 62 году…». Я хоть и давно его знаю, всегда считал, что он лет на пять старше меня, а его юбилеи как-то не запечатлелись в памяти. А он всего на год старше.

По нынешним делам в журнале и в МКД – он, пожалуй, был весьма подходящей фигурой: с опытом общения в международном коллективе, с большим аппаратным нюхом и умением, но и обтесанный контактами и ершистостью иностранных коллег. В общем, он вел потрепанный баркас «международного теоретического и информационного органа» МКД более или менее квалифицированно, без цели, но и спасая от крушения. Вечная ему память, как говорится. А теперь надо искать другого. Самое правильное – какого-нибудь верного иностранца. Но Б.Н. и его коллеги никогда не допустят, чтоб 4 млн. рублей в год давать в иностранные руки. А от наших… нужны ведь почти несовместимые качества – должен быть членом Пленума ЦК и одновременно элементарно понимающий в международных делах и, хотя бы минимально известный братским партиям.

Ни Загладин, ни Косолапов, ни Афанасьев не пойдут: сейчас это понижение. Поэтому не исключено, что будут выбирать между Черняевым и Ненашевым («Советская Россия»). Буду отказываться. Впрочем, Б.Н. и не захочет – кто же ему будет полное собрание сочинений наращивать, а теперь – и вести Отдел, так как Загладин все больше уходит от текущей работы.

Впрочем, вот без Пономарева, пока тот в Крыму, он провел два «теоретических совещания» с зав. секторами и консультантами. Обсудили: переживает ли МКД действительно неизлечимый кризис, упадок, или это перестройка для нового подъема? Все, конечно, за последнее, но фактический анализ говорит в пользу первого вывода. Это – как бы подготовка к позиции Б.Н. на закрытом совещании Секретарей ЦК соцстран перед торжествами в Софии, в июне (100 лет Димитрову).

Сам он, Загладин, на этой неделе выступал перед начальствующим составом МИД'а – об МКД на современном этапе. Его хлебом не корми – дай где-нибудь выступить. И каждый раз он составляет «новую схему», придумывает новые ходы и аргументы. И почти всегда перед тем проигрывает на мне практически всю лекцию – доклад. А я по ходу сомневаюсь, добавляю, опровергаю, «обогащаю», развиваю. На этот раз – тоже. Но мне не хочется писать сюда, чем я «обогатил», какие идеи подарил: они сгодятся для мидовской аудитории – в доказательство, что МКД еще не погибло. А для интимного потребления – стыдно всерьез писать о них. Впрочем, вчера я употребил в дело эти свои идеи в большой беседе с Сэмом Уолшем (председатель КП Квебека в КП Канады). Мы ему хотим поручить миссию оздоровления братской социалистической партии Австралии. Чтоб съездил туда, как «друг со стороны» и посоветовал отказаться от пагубного сектантства под прикрытием верности Советскому Союзу и ленинизму. Ему очень польстила такая просьба.

Брежнев, хотя сегодня (по радио) и ответил Рейгану о готовности встретиться с ним в октябре, по-видимому, продолжает пребывать в неважном состоянии.

Был в Консерватории на концерте Рождественского: Денисов, Софья Габидуллина, Шнитке, наши авангардисты. Очень любопытно. Рождественский каждую вещь сопровождал краткой лекцией собственного сочинения. Такие лекции и такая манера исполнения таких сочинений могли бы вполне быть и в Лондоне, и в Сан-Франциско, и в Токио.

25 апреля 82 г.

Похороны Зародова. Впервые я выступал в роли «ведущего» на траурном митинге. Хоронили на старой части Новодевичьего кладбища. Я там первый раз. Почти Пер ля Шез. На обратном пути меня провели мимо Аллилуевой. Красивая. Отбит нос. И, видно, по этому случаю голову обнесли пуленепробиваемой пластмассой. Был ей 31 год. А восстала… Потому что – русская. Впрочем, Орджоникидзе тоже восстал чуть позже.

О Зародове говорили все не казенно. Это признак того, что в основе он был неплохим человеком. Словом, дело свое сделал и достойно. Говорили не только на кладбище, но и в кафе «Хрустальное» – на поминках самые разные люди.

Второе событие – ленинская годовщина (112 лет). Замечательная по двум причинам. Во-первых, в течение почти месяца Москва полнилась слухами, что Брежнев умер. Даже один из «тамошних» голосов передал об этом, как о свершившемся факте. Люди встречаясь, спрашивали прежде всего: «не знаешь ли?»… Ждали торжественного заседания. Я пошел туда. За пять минут до выхода президиума из правой двери во Дворце Съездов пять тысяч человек затаили дыхание, а вместе с ними – миллионы телезрителей. Дверь открылась. И вслед за Гришиным появился ОН… Мелкими шашками, поддерживаемый всегдашним (красивым) «адъютантом»… Приветствовали тепло. В аплодисментах, довольно продолжительных, ощущался вздох облегчения, а может быть и еще чего-то. Потому что никогда так долго, так настойчиво и в таком массовом порядке не «ждали» (не могу сказать,

чтоб хотели, - народ у нас добрый), когда же «это кончится». Люди жаждут перемен и понимают, что пока он «на месте» – ничего не будет. А перемены (какие – никто не может сказать) вó как нужны. На них терпеливо надеются и ждут, ждут «этого». Тот, кто знает, что 24 мая будет Пленум ЦК, ждут промежуточного варианта перемен, - поскольку кто-то должен занять (официально, а не просто de facto) место Суслова. Да и Кириленко уже три месяца не появляется. Пельше тоже не видать. И как же не ждать! В областных городах нет мяса вообще, разве что в комиссионных на рынках. Никаких круп. Молоко только по утрам. Молочных продуктов почти не бывает, как и колбас. Самая большая беда – нет никакого масла.

Владимир Александрович Толмачев, мой бывший комбат на войне, заехал из Ленинграда. Не виделись 7 лет. На пенсии, весь прооперированный. Картина в колыбели революции похожая. Ни сыра, ни колбасы, ни круп. Его племянница работает с мужем на стройке Саяно-Шушенской ГЭС. Плотина, как «у вас МГУ», а жрать нечего. Приезжали тут в Ленинград: кожа да кости. По три посылки в месяц шлем им. Тем в основном и живут.

Он переживает за безобразия и в торговле, и вообще, но со мной осторожен, все-таки я «оттуда», кто, мол, тебя знает. Для меня же разговор с ним еще одно свидетельство, что средний советский человек устал «от всего», не хочет мириться с тем, что ничего не меняется и его не успокаивает, что теперь о безобразиях говорят официально. Народ видит - дело слишком далеко (и высоко!) зашло.

Или: был на Секретариате ЦК 20 апреля. Обсуждалось (второй раз) положение в химической промышленности, в той ее части, которая обслуживает народное потребление. Хаос и бардак – самое вежливое, что можно было вынести из этого обсуждения.

И все всё видят, все всё понимают, умные и опытные министры, отделы ЦК, везде квалифицированные профессионалы, а ученые действительно (это пытались оспорить Соломенцев и Капитонов, но министр Листов ответствовал зло: «я знаю где я говорю и что я говорю!») – создают и краски, и машины, и волокна, и проч. на уровне и выше мировых стандартов. А производить их даже в минимальных количествах не можем, при том, что ни один химический завод не работает с полной нагрузкой – у большинства производственные мощности загружены на 40-70 %, а в Фергане на 6 %, в том числе – построенные на валюту (купленные в Италии, ФРГ, Англии, Швейцарии). Придуман даже термин: «несопряженное строительство» для обозначения неодновременного ввода зависимых друг от друга производств, в результате чего весь «комплекс» разложен и не работает. Как же тут не ждать перемен!!

Другим «музыкальным моментом» (выражение Бовина) был сам факт выступления с докладом Андропова, который по словам (или сведениям) приближенного к нему Арбатова, «хочет вернуться в ЦК» (т.е. на место Суслова). Доклад был необычным и по стилю, по манере (почти без нужняка), и потому, что восхвалений в адрес Генерального – минимум, а главное – по постановке внутреннего вопроса: сейчас, мол, ленинизм оборачивается для нас той своей гранью, которая требует всемерного развития инициативы, творчества масс, и учета требований масс. Такова заявка! Но на что?

Принимали его тепло, правда, не вставая. Встают только на Брежнева. Однако, когда он кончил, хлопали долго. Он уже сел, а хлопать продолжали. Брежнев и Черненко прекратили хлопать, а зал продолжал, и этим двум вновь пришлось захлопать… Опять они, взглянув друг на друга, остановились, а зал продолжал хлопать. Еще бы чуть-чуть и получилась бы настоящая демонстрация.

Думаю так: если Андропов сменит Брежнева, перемены могут произойти, если Черненко сменит – вряд ли.

Еще одно событие имело место: Пасха в прошлое воскресенье. Народ валом валил на кладбище. ГАИ через радио и «Вечернюю Москву» вынуждена даже объявить, что частные машины не будут пускать по дорогам, ведущим к основным кладбищам. Казалось бы, вполне

современные люди, здороваясь по телефону или встретившись, поздравляли друг друга с праздником или совсем не иронически христосовались. Замечено, что пасхальная массовость с каждым годом нарастает. И это уже – кто имеет глаза! – приобретает характер скрытого общественного протеста… Или хотя бы отталкивания от господствующего порядка вещей (с его коррупцией, неравенством, несправедливостями, хамством, открытым использованием власти в целях личного обогащения, хвастливой пропагандой и демагогией = «пропагандой успехов», и на ряду с этим – очередями, теснотой в метро и троллейбусах, нехватками во всем, даже в Москве).

8 мая 82 г.

4 мая у В.В. Кузнецова в Кремле принимали представителей движения «Парламентарии за мировой порядок». Всякие видные деятели от пяти континентов. Канадец Роуч, Силкин из Англии (теневой министр обороны), фигуры из Индии, из Нигерии, бывший президент Мексики Эччеверия. Б.Н. через решение ЦК и меня всунул в компанию с Василь Васильевичем принимать этих людей. Это – вместо приема… у Брежнева. После нас они поедут в Вашингтон. Интересно на каком уровне их там будут принимать? А потом они составят обращение к спецсессии Генеральной Ассамблее ООН по разоружению.

Скучные игры. Поразило меня только то, что даже на таком уровне произносят слова, в качестве мирных инициатив, которые мы провозглашаем вот уже на протяжении десяти лет устами Брежнева.

18 мая на комсомольском съезде Л.И. Брежнев еще кое-что провозгласит, в том числе торжественный отказ в одностороннем порядке от применения первыми ядерного оружия.

… Нет! Войны не будет в обозримом будущем. Но будет массированное пропагандистское и особенно экономическое наступление, которое поставит нас и весь социализм в критическое положение. И, значит, надо срочно, коренным образом сверху до низу все менять. Иначе не миновать нам этак лет через десять «российской Польши».

На Первомай не пошел. Уж слишком теперь все это профанировано. По телевизору посмотрел как Брежнев еле-еле переставляет ноги, и руку в приветствии в состоянии поднять не выше подмышки, а уж, чтоб улыбку изобразить – сил никаких нет.

Москва полнится разговорами, кто поедет вместо Зародова в Прагу. Меня уже об этом несколько человек спрашивали, в том числе Г.Л. Смирнов (первый зам. Отдела пропаганды ЦК). Я хохочу в ответ, потому что знаю, что Б.Н. меня туда не пошлет. Он говорил мне, что надо бы так: Косолапова в Прагу, Смирнова на его место в «Коммунист». До этого называл также Стукалина и Толкунова, но они отказались, и еще маячит Скляров (первый зам. в «Правде»).

Все кругом читают Солоухина в «Нашем Современнике» № 1 «Продолжение времени». По идеологии – вполне контрреволюционное сочинение и, если не антисоветское, то ностальгически досоветское. Однако, талантлив и в частностях (нашего отношения к культуре и ее прошлому) прав. И хорошо, что и такое печатают, будто не замечая. Т.е. поток восстановления прав и миссии «великой русской литературы» продолжается.

15 мая 82 г.

Что было за неделю? Был день Победы. Мы провели его с Колькой Варламовым (фронтовой друг). Пошлялись по Парку культуры, потом пошли ко мне пить, затем пили у него в кругу его семьи. К пяти часам я был сильно надравшись.

Пожалуй, с ним мы больше, чем с кем-либо откровенны по части «верхов». Судачили о всеохватывающем воровстве и коррупции, о том, «кто» будет после Пленума 24 мая… Оба мы ничего точно не знаем, да и никто не знает.

Между прочим, мне рассказали со слов Товстоногова (знаменитый режиссер) еще одну подробность нашей высшей нравственности. Он летел из Стокгольма в одном самолете с младшим Брежневым – зам. министра внешторга, сыном. Тот, конечно, не один. Всю дорогу – пьяный дебош. К Москве – едва на ногах. Спускается по трапу. Встречает его соответствующая камарилья. Рука в «ленинском» приветствии и по-пьяному шуткует: «Приветствую и поздравляю вас с моим прибытием в столицу нашей родины Москву!» Никому не подав руки, вваливается в машину и – таков.

Так нам и надо! Если лижем, если готовы терпеть любые потехи над собой – то почему бы нас не макать мордой в говно при каждом удобном случае!

И еще: все почти торгпреды в «богатых» капстранах – его креатуры, которые не только единовременно возблагодарили, но шлют дань регулярно.

В понедельник была шестерка зам. завов Международного отдела ЦК соцстран Европы. Формально – подготовка к димитровским торжествам в Софии, фактически – подготовка к «шестерке» Секретарей ЦК (там же, закрытой), где хотят обсудить – «что делать» с КП Италии, Испании, Японии и т.п.

Пономарев принял замов. Стыд и позор. Едва вязал. Особенно постыдна и глупа его «информация» о проходившей в эти же дни встрече делегаций ЦК КПСС и ЦК Финляндии (перед их съездом выламывали руки, чтоб не избрали Ааолто председателем).

Потом Загладин мне рассказал, со слов Прибыткова, что Черненко, прочитав материалы к этой встрече, отказался «под благовидным» предлогом в ней участвовать. И вели ее Пельше, Романов, Пономарев, который с подачи наших референтов=синисаловцев и определял всё.

29 мая 82 г.

Китайская проблема. Мое столкновение с Рахманиным.

Еще в начале мая – как я есть член редколлегии «Коммуниста» – прислали мне статью Капицы (МИД) на книгу Борисова (?). Кто такой Борисов я не составил себе труда подумать, но позвонил Косолапову и сказал, что я категорически против такой статьи. Это была сплошная апологетика книги и ругань в адрес Китая, как будто никакой ташкентской речи Брежнева и в помине не было.

11 мая в Софии состоялся очередной «Интеркит» – тайное совещание замов шести соцстран по китайскому вопросу. От нас, конечно, Рахманин, который сначала навязал ЦК «директивы» для себя в Софию, а там – протокольную запись (как основу для политической пропаганды и научной работы в странах участниках – и на вынос). Однако, произошла первая осечка. Немцы (Бруно Малов) сначала внесли 100 поправок к проекту этой протокольной записи, а потом отказались ее подписать.

Видимо, Малов же донес Рахманину, что Хоннекер «вообще рвет и мечет» по поводу этого Интеркита. Он, мол, собирается 15 лет, записывает всякие громкие фразы по Китаю (диктатура, военно-бюрократический режим, альянс с империализмом, перерождение, сдача позиций капитализму и т.п.), а жизнь идет своим чередом. КПСС, мол, наделала кучу ошибок с Китаем, пора бы и «извиниться». Во всяком случае – у нас есть «свои» интересы и должна быть «своя» политика в отношении Китая. Вот так-то!

Вернувшись в Москву, Рахманин внес в ЦК «отчет» за подписью четырех отделов. Позвонил мне – и в своей манере «быстро-быстро»: подпиши, там все согласовано. Я почитал и решил, что подписывать не буду, о чем и сказал референту, принесшему бумагу.

Вместо этого послал Ульяновскому. Тот тоже почитал и прислал мне на другой день «соображения» - также против Рахманина.

Вечером влетает ко мне «лично» Олег Борисович:

- Где бумага?
- У Ульяновского…
- Зачем? Все согласовано. Сегодня была комиссия Политбюро (по Китаю), там фактически одобрили мою записку, даже еще велели «ужесточить» статью И. Александрова для «Правды»…

Вид у него был угрожающий, злой, не терпящий возражений…

- Я бумагу эту подписывать не буду…

Он повернулся и трахнул дверью.

Кстати, о статье И. Александрова… Она была разослана по Политбюро накануне. Я сделал для Б.Н. поправки, убрав упоминания фамилий китайских лидеров и несколько резкостей – атавизмов «холодной войны» с Китаем. Статья, подготовленная не рахманинцами, а скорее всего на Лубянке, написана была в ташкентском духе и коренным образом отличалась и от записки Рахманина, и от протокольной записи. Такой она и вышла 20 мая… Несмотря на…

Действительно, в тот же день, когда ко мне врывался Рахманин, состоялась китайская комиссия. На утро мне Б.Н. рассказал, что вот, мол, обсуждали: он (Б.Н.) и Андропов выступали за налаживание отношений с Китаем («ну, конечно, когда надо – и давать отпор!»), а Громыко, мол, удивил тем, что требовал нажимать на китайцев, не давать им спуску. И вообще был резок, хотя казалось бы, дипломату надо бы быть погибче.

От Пышкова (через трёп референтов, скорее от Рахманина, который член комиссии ПБ) поступило «тревожное» сообщение, что комиссия заняла еще более жесткие позиции, чем в записке Рахманина и в протокольной записи. Тем не менее, я вернул эту записку Рахманину, не подписав, хотя он грозил уже по телефону, что доложит Черненко, что Международный отдел отказывается подписывать.

Однако, я счел необходимым (да и по службе полагается) коротко на бумажке изложить Пономареву, почему я это сделал.

А именно: записка расходится с ташкентской линией, в ней главная задача (ставится) – разоблачать гегемонизм китайцев, она исключает разумную перспективу, создавая пропагандой атмосферу, которая лишит возможности налаживать нормальные отношения. И потому еще, что положение в Китае там охарактеризовано, как «сдвиг вправо». «Вправо, - писал я Б.Н.’у, - это известно что означает в нашей партийной терминологии. Это значит, «стало хуже». Но по сравнению с чем? С тем, как было при Мао, как было при Хуа Гофене, как год-два назад?

И, наконец, нельзя допускать, чтобы рахманинская линия блокировала ташкентскую линию, а это происходит, потому что исполнение политики фактически отдано в руки Олега Борисовича, к которому я по-человечески всегда хорошо относился.

Это я послал Балмашнову для передачи Б.Н., когда тот вернется с комсомольского съезда. Он, прочитав, и верный принципу «как бы чего не вышло», тут же подослал мне на 12 страницах на меловой бумаге «Выводы комиссии Политбюро по китайскому вопросу»… Половина текста была посвящена Хоннекеру – с выводом «надо принять меры», тем более, что он и по германскому вопросу, и по польскому крутит… и вообще.

О китайцах – в стиле Рахманина, но в добавок было предложено приструнить тех «некоторых советских коммунистов», связанных с китайской проблематикой в институтах, в средствах массовой информации, которые неправильно понимают политику партии, ведут разговоры, будто партия и правительство не используют всех возможностей для нормализации отношений с Китаем и т.п. Что, мол, надо «провести работу» с директорами и руководителями ведомств…

Таким образом Рахманин с помощью Политбюро решил прищучить всех своих конкурентов и оппонентов, утвердить себя в качестве Лысенко для китаеведения.

Я понял для чего Балмашнов поторопился подсунуть мне этот документ: чтоб знал свое место и не высовывался, а то так и Пономарева подвести можно, тем более, что он тоже член китайской комиссии и его подпись, как и Черненко, Андропова, Громыко, Кириленко, Зимянина, Замятина, Рахманина, - также стояла под этим «докладом», предназначенным для утверждения на заседании Политбюро в четверг.

На другой день после заседания Политбюро вызывает меня Пономарев. Поговорили о том, о сем, в частности, о том, что надо готовить новое издание биографии Брежнева для США.

- Да, кстати, - говорит вдруг Б.Н. – о записке по Китаю. Сейчас было Политбюро…

- Борис Николаевич, - перебиваю я. – Я прочитал доклад комиссии по Китаю. Меня многое там удивило. Если Вы прочли мою записочку, то мне нет надобности говорить еще, что он (доклад) расходится с ташкентской линией, там нет по существу политики – куда идти, какова цель, чего мы хотим в своих отношениях с Китаем… А кроме того, нельзя позволять, чтобы Рахманин делал политику такой государственной важности.

Б.Н. в свою очередь хотел меня остановить, но меня понесло.

- Не знаю, известно ли Вам, что Рахманин за эти 15 лет, как он ведает Китаем в Отделе ЦК и особенно после того, как он стал первым замом, написал десятки статей, брошюр, даже книги, с помощью, конечно, института Сладковского и своих референтов. И все об одном – как надо громить Китай. Он прекрасно понимает, что если отношения изменятся, вся эта его «литература» летит в мусорный ящик. А он ведь уже выставлялся на выборах в Академию наук и не склонен оставить этот замысел. Так что, он сделает все, чтобы наша линия по отношению к Китаю осталась такой, какой она обрисована в его статьях и брошюрах под четырьмя псевдонимами. Но я думаю, что не гоже этот жизненный участок наших государственных интересов отдавать в личный бизнес Рахманина.

Б.Н. насторожился. Воспринял с явным интересом: такие причины ему особенно понятны, он любит такое. И, наконец, взял слово.

- Да, ладно, Анатолий Сергеевич, - постановление ЦК (Политбюро) будет совсем другое, не такое, как в докладе комиссии. Выступил на ПБ Леонид Ильич, - вот я записал, - (поднял листочек)… и сказал: «Надо продолжать инициативную политику в отношении Китая, надо налаживать отношения. Думаю, надо поручить соответствующим товарищам подготовить новые наши шаги с целью урегулирования отношений на базе того, что я сказал в Ташкенте!»

Вот те раз!

А произошло, видно, следующее. Андрей, получив доклад комиссии, сразу усек, что это рахманинское дельце, и тут же продиктовал памятку для выступления Л.И. на Политбюро.

Б.Н. сомневался насчет «информации» Рахманина о Хоннекере и проч. А где же вы раньше были, члены и кандидаты в члены Политбюро? Или комплекс великодержавия срабатывает автоматически?! Во имя его на веру можно взять что угодно, даже «освятить» монополию Рахманина на китайские дела, которая означает, что ЦК собственными руками закрывает возможность получать объективную информацию (и изучение) о Китае, поскольку вся наука уже подпала под лапу Олега Борисовича!..

Финны. Их чрезвычайный съезд закончился «прощальным» заключительным словом Сааринена, который «проклял» вмешательство КПСС в дела их партии…, вмешательство, которое и привело ее теперь к расколу. Публично - на всю Финляндию и на весь мир. Вот радость-то для еврокоммунистов… А товарищу Пономареву – как с гуся вода!

24 мая 82 г.

Сегодня был Пленум ЦК. Продовольственная программа до 1990 года. Есть новые идеи, но не очень смелые. В основном по-прежнему: поднять, улучшить, усовершенствовать, расширить, словом – «давай-давай». Но надо повнимательней прочитать постановления. Вчера не хватило времени. А сегодня Брежнев (конечно, он, а не Горбачев, например, делал доклад) читал достаточно невнятно, чтобы усвоить «эффективность» предлагаемых мер.

[Наткнулся на брошюру о XVII съезде партии тех времен. Заинтересовался: оказывается в 1938 году мы произвели 7 млрд. 300 млн. зерна. Это – 120 млн. тонн. Это при 173 млн. населения. Это, когда в колхозах было всего 250 тыс. тракторов (а сейчас много миллионов), и когда там практически не было автомашин и никакой химии, никаких гербицидов. В этом же году (цифра не опубликована) произведено 165 млн. тонн при населении в 265 млн. и проч.]

Нехватки Брежнев объяснял так:

- увеличилось городское население;
- увеличилось потребление (жизненный уровень);
- увеличились денежные доходы (больше покупают);
- сельские жители много продовольствия покупают в магазинах;
- разрыв между производством и хранением плюс транспортировка (большие потери)…

И еще что-то в этом роде.

Но ведь научно-техническая и производственно-индустриальная база сельского хозяйства увеличилась, наверно, в десятки, если не в сотни раз. А результат?

С «исторического» мартовского (1965) Пленума по сельскому хозяйству, с которого началась современная подлинно ленинская аграрная политика, прошло 17 лет. А результат?

По калорийности, фиксирует Пленум, питание обеспечивает физиологическую норму. Дело, видите ли, в том, что по разнообразию и качеству… не достигли еще… Попросту говоря, в большинстве районов страны нет ни мяса, ни масла, ни многих молочных продуктов, ни даже крупы. А в 1938 году все это было. Голодных ведь тоже не было, физиологический уровень и тогда обеспечивался.

26 мая 82 г.

Словом, может, что-то и будет от Продовольственной программы, если… не урежут вложения в ее идеи, - так, как это случилось с очень похожими идеями мартовского Пленума 1965 года.

Брежнев выглядел плохо. Передвигался еле-еле, поддерживаемый охранником, замаскированного в подносчика чая… Когда сходил с трибуны и пытался сам ступить на лестницу, ведущую в президиум, чуть не упал, и охраннику пришлось его буквально волочь. Потом сидел, уставившись, - ни одного движения на лице, и ни одной мысли, кроме, наверно, - как бы досидеть до конца. Когда зал реагировал на какое-нибудь высказывание с трибуны смехом или шумом, он наклонялся к Черненко, видно, спрашивал, в чем дело, потом отшатывался без признака понимания на лице… В общем, - живая мумия. Все это видят и все соглашаются с тем, что это «нормально».

Андропова избрали секретарем ЦК… Зал встретил это неподдельными долгими аплодисментами… дважды. Значит, версия Арбатова, изложенная выше, была правильна. Очевидно, по сфере деятельности он займет место Суслова. А как они будут «делить» с Черненко, сказать трудно.

Мне сообщили, что обсуждался вопрос о Пономареве на Политбюро перед Пленумом – вводить его в ПБ или так и оставить. (А я-то думал, что эта проблема давно

закрыта и Б.Н. вроде бы успокоился). Отвели. Спрашиваю – кто? Мол, «сам» и последний гвоздь забил Черненко… жест рукой, в смысле «по боку». А кто-нибудь поддержал? Да.. – «провинциалы» (т.е., значит, Кунаев, Щербицкий, вряд ли Романов) Но сказано было – трое. Может быть Гришин. Но двух голосов – Брежнева и Черненко, при вероятной поддержке Громыко, было вполне достаточно, чтобы лишить Б.Н.'а последнего шанса. А сам факт обсуждения, конечно, не в его пользу: теперь все в Политбюро знают, что он «не пользуется» и, следовательно, можно совсем с ним не считаться.

И не считаются: пример тому – китайские дела. То, что он рассказал мне об обсуждении на ПБ записки комиссии по китайской проблеме, оказалось, сильно преувеличенным. И эта записка и «отчет» Рахманина об Интерките (правда, на Секретариате) были утверждены и стали «решениями ЦК». Так что Олег Борисович «смазал» меня…

И уже (вместе с Замятиным) разослал по ПБ информацию о Новой Конституции КНР. На самом деле - это чистая дезинформация. Так я Б.Н.'у и сказал сегодня в присутствии Загладина, который не только со мной согласился, но и сообщил Б.Н.'у с «акцентом» о том, что помощники Генерального Александров и Блатов возмущены поведением Рахманина.

Вот такие у нас дела там. Может быть с появлением Андропова что-то изменится…

Вообще я уповаю… Он разумный и компетентный человек, доступный «новому», склонный к размышлению… И у меня ни на минуту нет сомнения, что это сейчас лучший выбор. Б.Н. никак не мог бы восполнить сусловский вакуум. Как политик он мелок, обременен агитационно-пропагандистским комплексом 20-30 годов и склонный не к политическому, а к полицейскому образу мышления. Последний пример тому – его акция в отношении финской КП, которая долгие годы была отдана ему на откуп. И вот результат. Да и итальянцы в значительной мере – плод его многолетней «работы» по обращению ее в «московскую веру». Результат – прямо обратный.

Хорошо также, что продвинули Долгих кандидатом в члены Политбюро. Его хотят на место Кириленко, который уже – шкура от лимона. Этот человек умен, знающий, смел, владеет своей проблематикой свободно, мыслит реалиями. И если не сорвется, как Рябов и Катушев, то может быть будет какой-то толк и в деле - в промышленности, которой он ведает.

Вчера мне стукнуло 61. Были родственники и семейные друзья.

61 – это старческий возраст. Надо спешить жить!

Вчера с Загладиным принимали делегацию Международного отдела ЦК СЕПГ. Прошлись по «евро» КП, по общим проблемам МКД. Вадим вел лекцию, пытался читать с изрядной долей литературщины и дешевого социологизирования. У немцев в глазах мелькала ирония. В который раз я убеждаюсь, что Вадим вдохновляется на публику и перед публичностью. А беседа по гамбургскому счету, как правило, не получается у него.

31 мая 82 г.

Болею бронхитом. Когда один в окружении своей «библиотеки», не знаю, за что хвататься, а в результате ничего серьезного не читаю.

На работу не пошел. От нечего делать стал читать Нагибина и вновь убеждаюсь, что мастерство советской прозы достигло очень большой высоты, превзойдя многое из того (по сумме приемов, по оригинальности находок – количественно, ибо по качеству невозможно сравнивать вне эпох, вне сюжета), что было раньше, в том числе и в классические времена.

Вот лежит папка на столе с газетами, обрывками ТАСС'а , записками. Многое пора выбросить, а мне лень ее даже открыть, хотя у меня целый день впереди без всякого дела.

Напротив – на стеллажах, в шкафчике – сотни книг и всякой полусекретной информации. Знаю, что почти ни к чему никогда не вернусь, например, сотни «единиц» о

социал-демократии, с которой еще со аспирантуры и ПМС связал свои интересы. 30-25 лет назад, даже 15 лет назад ничего не было у нас о социал-демократии. Теперь – горы. Какое бы богатство для студента или «молодого исследователя». А оказывается теперь мне это не нужно. Сколько бы я ни прочел, допустим, об этой самой социал-демократии, больше того, что мне нужно о ней знать, я не узнаю. Потому, что стоит один раз понять, а остальное – текучка, пополняемая шифровками и повседневным ТАСС'ом. Очевидно, надо уже теперь читать не для пополнения знаний, а для поддержания в себе мыслительной способности и удовлетворения интеллектуального аппетита.

Чем хорош Нагибин: у него занимательность переплетается с мыслью, может быть не новой, но собранной с очень большого и длинного во времени поля культуры.

Кстати, у него великолепная мысль в «Машинистке, которая живет на 6 этаже»… Всякое действие обладает определенной скоростью, ниже которой – остановка, паралич, смерть. Художественная натура – это еще не писатель. Должна включаться скорость, пусть небольшая…

1 июня 82 г.

Я хоть и болею, но не могу не суетиться по службе. Готовлю материалы к димитровской сессии в Софии. А также биографию Брежнева для американского издательства «Сфинкс». Не считая довоенных лет, где действительно биография, - остальное набор цитат, впрочем, полезных для американцев.

Но в данном случае – не в этом дело. Идея такого издания принадлежит (как и со «Страницами жизни») Б.Н.'у. Он долго колебался, как ему подступиться к Леониду Ильичу. Уже книга (в рукописи) была почти составлена, а он все еще «не согласовал». Наконец, улучил момент (он ведь фактически не имеет личного доступа к лику) и поговорил. Тот сказал «ладно» и, мол, можно и короткое постановление ЦК принять «с поручением».

Составили проект (по аналогии с 1978 годом для «Страниц жизни»), т.е. – поручить Международному отделу подготовку и организацию дела. А когда получили обратно уже постановление ЦК, оказалось, что туда вписан также и Отдел международной информации, т.е. отдел Замятина, который вчера получил орден Ленина из рук «самого» за 60-летие.

Итак, нашего Б.Н.'а опять смазали. Мол, раз начал, давай, но не твое это дело… И вообще: дело идет к тому, чтобы строго ограничить Б.Н.'а комдвижением и обрезать его претензии на вмешательство во внешнюю политику.

2 июня 82 г.

Сегодня меня вызывал-таки Пономарев. Чтоб посоветоваться со мной и Загладиным, и Жилиным по тексту для закрытой встречи в Софии. Настаивает, чтоб ограничиться МКД. На него не похоже… И симптоматичен аргумент: в эти же дни Громыко будет выступать в Нью-Йорке в ООН… и «у него анализ международного положения, о котором сразу узнает весь мир».

Еще больше меня поразила его реплика. Вадим предложил: не представлять в ЦК весь текст доклада Б.Н. в Софии для закрытого совещания («шестерка»), а лишь на полутора страницах «директивы» для делегации – перечень вопросов и основная их направленность, которые докладчик поставит. Б.Н. выразил сомнение. Я поддержал Загладина: как же, мол, как же, ЦК должен знать, о чем Вы там будете говорить.

Он посмотрел на меня, мигнул одним глазом и произнес:

- Вы думаете, это кого-либо интересует?…

Вот тебе раз! Зачем же ты тогда суетишься и выдрючиваешься, если все видишь и понимаешь.

И еще одно – о финнах. Стал ругать Синисала=леваков, мол, чего они хотят, Финляндия никуда не денется, что они думают – социализм там делать, революцию? Или – это же глупость – требовать повышения зарплаты на 35 %. Или: не входить в правительство! Но ведь мы дружим с президентом Койвисто, он хорошо себя ведет, и все доносы (перед выборами), что он смотрит на Запад, не подтверждаются. Премьер Сорса – наш доверенный друг, с которым у нас конфиденциальные отношения… Как же не входить, когда они до этого входили в буржуазное правительство и мы их поощряли в этом?!

Да и в большинстве КПФ ничего уж такого страшного… Конечно, есть антисоветчики. Но в целом партия здоровая. С Аалто тоже можно (и нужно) работать. Во всяком случае он Генсек и другого мы поставить не можем!

Но если так, дорогой Борис Николаевич, какого же х… ты настаивал, чтоб финнам перед их съездом вручили письменный меморандум нашего Политбюро, от которого за версту несет коминтерновским духом и великодержавием! Зачем же надо было провоцировать Сааринена на скандал?!

А ведь тоже, наверно, выпендривался (вслед за своими референтами), желая показать своим вышестоящим коллегам, что ты горой «за идеологическую чистоту братских партий».

<u>12 июня 82 г.</u>

Придется-таки в понедельник ехать в Болгарию во главе с Б.Н. – на 100-летие Димитрова. Очень не хотелось, но ничего не поделаешь. Чуть ли не 30 человек сопровождающих, чтоб охватить все 140 делегаций со всего света нашими беседами о комдвижении и международном положении.

Б.Н. всю неделю занят был израильским нападением на Ливан. Благо, что Громыко в Нью-Йорке на ООН, - и наш под крылом Андропова активничал всласть, - в том числе в связи с двумя разговорами Брежнева с Рейганом по «красной линии». Брутенц на подхвате. Израильское нападение и в самом деле – международный бандитизм среди белого дня. Но им это сходит с рук… во всяком случае далеко не то, что нам было и есть за Афганистан.

Сняли редактора «Сельскохозяйственной газеты» (орган ЦК, между прочим) за то, что перепутала титулы Брежнева и Тихонова, переменив их местами. Когда мне это сообщили, я хохотал: «Как же, как же! Это все равно, что «Ваше величество» назвать «Вашим высокопревосходительством». Но новый секретарь Андропова собирал всех главных идеологических работников по этому поводу и инструктировал, - как добиться, чтоб подобное не повторялось.

Серьезные люди! Мыслимо ли что-либо подобное при Ленине?! Думаю, что и при Сталине – вряд ли, посмеялся бы в усы…

<u>22 июня 82 г.</u>

По данным Загладина (из его объятий с секретарями ЦК Станишевым, Михайловым, еще с кем-то) – в Софии зреет «переворот». Окружение Живкова, особенно Балев, готовят свержение Лилова и других интеллектуалов-просоветчиков, которые так высоко за последние годы подняли престиж БКП в комдвижении. Какую-то даже шифровку в Москву сочиняли Загладин с Б.Н.'ом на эту тему. А Б.Н. дважды «смягчал» всхлипы в адрес «лично Живкова» в печатных вариантах своих выступлений.

Читаю Эйдельмана «Грань веков» про Павла I. Когда же, наконец, Россия дозреет до такого состояния, чтобы познавать самое себя теперешнюю не через посредство исследований давно минувших веков. Эйдельман в всех своих книгах это делает элегантнейшим образом, без намека на вульгарные ассоциации ά la Любимов.

23 июня 82 г.

Болгария. Б.Н. Его лакейско-коминтерновская попытка навязать конференции через болгар принятие «общего документа» в поддержку послания Брежнева ООН о неприменении первыми ядерного оружия. Поразительно, что его никогда не смущает, если он оказывается (а это все чаще бывает) в полной и постыдной луже. На этот раз – то же самое.

Тема: Зимянин, как идеологический руководитель современного советского общества. С одной стороны, вроде как естественно, с другой – все-таки нелепо.

Тема: футбол и политика «по материалам» разговоров за обеденным столом делегации, ездившей в Софию. Зимянин с увлечением рассказывал, как он готовил футбольную команду к чемпионату мира в Испании. Пономарев посмеивался над этим и, особенно, над тем, как вечером Зимянин «по-человечески» рвался к телевизору. Поскольку матчи шли каждый день, и разговоры за столом не утихали.

Зимянину не хватало ловкости поднять их на политический уровень. А у Б.Н.'а не хватало политического чутья, чтоб понять вздорность его снобистски-большевистского отношения к этому занятию. Напоследок я, будучи в подпитии, вмешался, чтоб помочь Зимянину:

- Борис Николаевич, а ведь Ленин учил, что политика это – где массы. А к футбольному чемпионату сейчас прикованы многомиллионные массы повсюду в мире, к сожалению, несравненно больше тех, которые участвуют в антивоенном движении. Для политического работника – это, по меньшей мере, предмет для размышления.

Он внимательно, косо посмотрел на меня. Зимянин тоже умолк, не знаю – понял ли намек и в свой адрес: мол, Черняев подсказывает, что неприлично Секретарю ЦК который уж день «развивать» футбольную тему на уровне болельщика.

Б.Н.'у очень не нравится манера Загладина вылезать всегда вперед, будь то в общих политических серьезных разговорах, будь то в застолье или в протокольных делах. А сам он?! Причем, с гораздо меньшими, чем у Вадима внутренними ресурсами!

24 июня 82 г.

Все болею. Под впечатлением Софии вспомнил, что у меня с 1972 года лежит копия Дневника Димитрова. Вытащил и стал читать. 1937-1942 годы.

Если его опубликовать – это еще раз потрясет мир, не только МКД.

Наиболее значительны три плана.

1. Димитров не устрашился Гитлера, но спасовал перед Сталиным, прежде всего в отношении репрессий. Сталин создал ситуацию вокруг Димитрова, при которой тот со дня на день ждал собственного ареста. И ни за кого (!) не вступился, даже за самых близких своих сотрудников, когда их брали или собирались брать. Подыгрывал Ежову в отношении Ракоши, польской КП и др.

Больше того – занимался доносительством. Комбриг Горбачев, приехав с фронта (1941 год, осень) рассказал дочери Димитрова, какой там хаос и ужас. Та – отцу, а Димитров – позвонил Мехлису. Остальное – понятно. Хосе Диас, как только началась война, сообщил Димитрову, что он не доверяет Тольятти. Потом это же сделала Ибаррури (!), и тот и другой оговорились, что фактов не имеют, но вот его поведение, настроение… Димитров доложил Молотову.

2. Димитров искренне восхищался Сталиным. Приводит многократно его разговоры с ним, высказывания, особенно тосты…

Подчеркивает его презрительную реакцию, а то и гнев по поводу славословий в его адрес – когда в своем кругу. Много – о том, как Сталин ценил Ленина. И ни разу, нигде не

было и тени поставить себя (Сталина) на один уровень с Лениным. Много – о значении «средних кадров», о том, что стариков, которые всегда цепляются за свои места, надо своевременно заменять молодыми.

3. Сразу после VII Конгресса Коммунистического Интернационала (1935 год) Сталин начал оттирать Коминтерн. Димитров приписывал это интригам, шпиономании и т.п. Обижался, когда его перестали сажать в президиум, пускать на Мавзолей во время демонстраций, «не заметили» 5-летия Лейпцига. Только в 1941 году накануне войны, примерно, в апреле, для Димитрова стало проясняться, что за этим у Сталина стояла большая стратегия, которую Сталин, а потом и Жданов сформулировали совершенно четко в разговорах на ПБ в присутствии Димитрова, и в беседах с ним лично, в замечаниях ЦК ВКП(б) на документы и проекты статей, находящихся из ИККИ. Суть ее: Коммунистический Интернационал (КИ) был создан для мировой революции. Но теперь ясно, что в той форме, с какой думали в 1919-ом, ее не будет и быть не может. И пора прекратить существование директивного органа в МКД. Теперь – акцент должен быть на внедрение КП в национальную жизнь, только там – перспектива развития любой КП. Они должны быть совершенно самостоятельными и действовать, не оглядываясь на Москву. Да – марксистские партии, но без общего руководства и единой стратегии. И называются пусть по разному: рабочие, народные, трудовые, марксистские.

Потом Жданов развил эти идеи и подал в виде стройного документа по пунктам, который кончался предложением подумать о роспуске Коминтерна. Это в апреле 1941 года!!

Он же, Жданов, сильно поправил Димитрова, когда тот прислал ему проект документа КИ по социал-демократии, в котором предлагалось окончательно оттеснить социал-демократов от руководства рабочим движением и обеспечить один «руководящий штаб» – коммунистические партии.

По смыслу замечаний Жданова, - это, мол, полная чепуха, вредно и нереалистично. И получается, что единые и народные фронты, о которых постановил VII Конгресс КИ, который в свою очередь ЦК ВКП(б) игнорировал и всячески замалчивал (в том числе и в «Кратком курсе») получили реальное обоснование именно от нашего ЦК, а не от Коминтерна, запуганного репрессиями и сбитого с толку неожиданностью ситуации 1939-41 годов.

А мы теперь по случаю 100-летия Димитрова, в Софии и здесь, и везде все эти идеи записываем за Димитровым.

Сталин и Жданов смотрели глубже. Они понимали уже, что Советский Союз остается один перед лицом фашизма и «демократических», но антисоветских Англии, Франции, США, что рабочий класс Запада ничем ему не поможет, германский рабочий класс уже завоевал Европу в войсках вермахта, а заводы «Шкода» поставляли ему самую современную технику, французский рабочий класс еще не проснулся. Словом, надеяться не на что, кроме как на самих себя.

И не надо суетиться с организацией мировой революции из Москвы с помощью КИ: ее не будет, почва для нее рассыпалась. Поэтому пусть коммунисты начинают все сначала, но у себя дома, опираясь на национализм своего народа, становясь национальной силой.

Ах, если бы «батя» был последователен в этой и других своих правильных и крупных идеях…

На Западе справа налево господствует убеждение, что Сталин манипулировал Коминтерном в своих интересах. Из Дневника Димитрова следует, что совсем наоборот – он его игнорировал. И очень редко поправлял или советовал. Что - к сожалению, как оказалось… Потому, что КИ, как и начинающие КП эпохи «Детской болезни», фактически, вопреки даже VII Конгрессу, продолжал и размахивать красными флажками и жить старыми догмами, сплачивая тем самым единый фронт Запада (от фашизма до мелкобуржуазной

демократии) против Советского Союза. Сталин был прав, когда однажды в сердцах бросил Димитрову: «вы (т.е. КИ) работаете на противника».

10 июля 82 г.

Болел и к дневнику не прикасался. Впрочем, целую неделю ходил на работу. Тем не менее вчера при проверке рентгеном обнаружилась пневмония. Врачи хотели упрятать в больницу, но я «выстоял», несмотря на запугивания и угрозы. И вот, оказывается, вылез из болезни своим методом, т.е. презрением к болезни. Про себя думаю: если сдамся – все, записывайся в пенсионеры. Впрочем, как и на фронте – у меня, видимо, звериный инстинкт настоящей опасности. А где этого ощущения нет, я рискую.

На службе… Первые дни Б.Н. мной не интересовался. Повздорили только раз по телефону из-за Мухаммеда Али (боксер, борец за мир). Он меня пытался уличить в невнимательности к проблеме. Я же ему доказал, что не нужен он нам…

По Ливану в курсе держал меня Загладин и Брутенц, там мы, конечно, нарвались… И арабская пресса, включая ООП, западноевропейская, иранская усиленно обс… нас. Мол, кроме грозных слов ничего не сделали, в то время , как США поддержали и прикрыли своего союзника Израиль, не считаясь ни с чем. Все это потому, говорит Брутенц, что у нас нет политики. Мы заранее не установили для себя: чего мы хотим; до каких пределов готовы пойти; каковы реальные наши возможности, каковы реальные силы (и готовность бороться) у наших союзников. Единственная наша «стратегическая» идея была там – «насолить» американцам.

Моя война с Рахманиным вышла на новый виток. Он, как я уже писал, добился того, что «Интеркит» был утвержден на Политбюро с пунктом – опубликовать в «Коммунисте» статью на основе этой самой антикитайской бодяги, к которой на этот раз отказались присоединиться немцы.

Выйдя после болезни, я обнаружил у себя на столе верстку (как я есть член редколлегии «Коммуниста») и опять пришел в ужас. На 21 полосе (это около 66 машинописных страниц) идет долбеж Китая по всем линиям. Две три текста посвящены внутренним делам, партийным, конституционным, экономическому положению, экономической политике и проч. – причем, в таком разухабистом стиле, что мы подобного не позволяли бы себе в отношении многих империалистических стран, а уж – Франции или ФРГ – ни за что. О внешней политике и говорить нечего.

Словом, полное дезавуирование ташкентской речи Брежнева.

Потому что то, что там написано о внутренних делах Китая – … каждый читатель только удивится: как можно было называть такую страну «социалистической».

Или: если Китай настолько (и необратимо) погряз в альянсе с империализмом, как можно рассчитывать на нормализацию с ним, на улучшение отношений и сотрудничество.

Значит, Ташкент, - это либо конъюнктурный (лицемерный в основе) тактический ход, либо у нас правая рука не знает, что делает левая, либо идет «борьба» в нашем руководстве по вопросу о Китае.

Первый вопрос, который возникает на Западе – не покончено ли с Ташкентом?! Китай же получит полное оправдание, чтобы ответить еще большим разоблачением наших внутренних порядков и «гегемонизма».

Я звоню Косолапову. Излагаю ему все мыслимые аргументы. Он мне: решение ПБ ЦК и Рахманин сидит на моей голове… А номер уже подписан.

Звоню Пономареву, тот мне: «Я не могу отменить решение Политбюро».

- Но вы же член китайской комиссии, вы можете сказать Андропову. Ведь я уверен, что когда выносилось решение о публикации, никто из Секретарей ЦК и членов ПБ не прочитал этого рахманинского сочинения. Это же вопрос большой политики. И не дай

Бог, если Брежневу доложат – в том же духе, что под его ташкентскую линию подводят мину…

- А вы знаете, что китайцы про нас каждый день пишут? А какая плохая речь китайца в ООН?
- Знаю. Но я знаю и то, что они много из того, что они писали полгода назад, перестали писать. Это видит весь мир. Достаточно перелистать ТАСС. Но Рахманин скрывает это от ЦК. Главное же – Ташкент – продолжается или нет? Если да, то нельзя, чтобы пропаганда расходилась с политикой…
- После Ташкента много воды утекло…
- Как так? Значит…
- Нет, нет, вы меня не так поняли (испугался). Я вам предлагаю? Пусть сам Косолапов, если он вам сочувствует, позвонит Андропову… А вообще вы поосторожней, не надо представлять дело так, что мы (Международный отдел) прокитайцы, а Рахманин один борец…
- Хорошо.

Косолапов, однако, не решился звонить Андропову. Я, говорит, позвоню своему непосредственному начальству Зимянину.

На утро я еще ничего не знал о результатах. (Я не люблю давить… и ставить людей в неловкое положение). А Б.Н. уже звонит: чем кончилось? Не знаю, мол. Но я на всякий случай позвонил (докладываю ему) сам помощнику Андропова Владимирову (бывшему помощнику Суслова). Он, говорю, очень обеспокоился. И обещал тут же доложить, как только кончится Политбюро.

Потом Косолапов сообщил о результатах разговора с Зимяниным. Тот тоже насторожился. Позвонил Русакову и они вдвоем порешили – предложить Косолапову разослать эту статью по китайской комиссии, а из ближайшего десятого номера – снять.

На этом пока и осталось.

<u>7 августа 82 г.</u>

Пожалуй, самое важное за отсутствующие в дневнике дни – опять же Китай.

Прошла неделя. Оказывается, как мне недовольно рассказал Пономарев, Андропов ему звонил и сказал: кажется, твой Черняев какую-то декларацию написал по поводу этой статьи… Нехорошо, если между отделами конфликт… Пусть отрегулируют. Я, говорит, Пономарев (видимо, испугавшись) ответил, что Черняев, мол, никаких заявлений не делал, а лишь как член редколлегии «Коммуниста» (не дай Бог, как зам. в его Отделе) высказался за то, чтобы сократить… критику внутренней политики КНР.

Я (нахально): ничего подобного, Борис Николаевич. Я высказался вообще против публикации такой статьи, потому что она противоречит линии Ташкента, и написал довольно резкий отзыв, послал его Косолапову.

Б.Н. же приписал мне в разговоре с Андроповым такое «ограничительное» действие, потому что поддакивал. Андропов ему сказал, что он потребовал от Рахманина «резко сократить внутреннюю часть» и поубавить резкостей вообще.

На мое нахальство, за которым опять последовали рассуждения по поводу сочинительства Рахманина, Б.Н. заявил, что он больше этим заниматься не будет и мне не советует.

Между тем, мы с Арбатовым оказались как-то в театре Сатиры на «Самозванце» Эрдмана, 1930 год. Сплошные намеки и «ассоциации». После до двух ночи Арбатов таскал меня по арбатским переулкам вокруг своего дома и опять ругал всё и вся за великодержавную политику в отношении стран СЭВ'а. Тихонов привлек обычную обойму академиков (Арбатов, Иноземцев, Богомолов) к подготовке материалов для предстоящей

встрече СЭВ'а на высочайшем уровне. И они там собачились с Гарбузовым (министр финансов) и Байбаковым (председатель Госплана), цель которых, по словам Арбатова, - переложить наши трудности на плечи союзников, заставить их платить за то, что мы плохо работаем.

Я ему в свою очередь рассказал о китайских делах. В ответ он, обматерив Рахманина и проч., предложил свои услуги: мол, позвоню Лаптеву (это еще один помощник Андропова), может быть, Блатову, который на Юге при Брежневе и аккуратно поставлю их в известность, что, мол, в «Коммунисте» может появиться не то… А ты мне пришли свой отзыв, который ты отправил Косолапову, чтоб у меня были аргументы. Это было в ночь с пятницы на субботу.

В понедельник утром я отправил Арбатову копию. А вечером этого дня состоялся вышеупомянутый разговор с Пономаревым, из которого для меня следовало, что мои дальнейшие действия могут быть расценены, как попытка интриговать против постановления Политбюро, как нарушение аппаратной дисциплины. Во вторник я позвонил Юрке и сказал, чтоб он моей бумаге ходу не давал… Оказывается, он уже успел поговорить с Лаптевым и Шишлиным, который отправлялся в этот день на Юг в помощь Блатову. Но бумагу, мол, я (Арбатов) никому не посылал, все только устно.

Тем временем, на столе у меня который день лежит вторая верстка из «Коммуниста», Косолапов мне ее прислал, так сказать, в нарушение указаний, поскольку велено было разослать только членам китайской комиссии Политбюро. По существу, там ничего не было изменено, разве что сокращена на пятую часть, даже прямое указание Андропова фактически не было выполнено. Рассылка, естественно, пришла к Пономареву, как члену комиссии. Балмашнов, помощник, направил рассылку Коваленко (еще один наш зам, который занимается Востоком) – чтоб тот доложил Б.Н.'у мнение. Тот доложил, как положено в таких случаях. Балмашнов положил это на стол Б.Н.'у. Тот ответил: «Я сказал, что заниматься этим больше не буду и прошу не отнимать у меня время».

Получивший привычную уже очередную оплеуху, «Сан Саныч» (Болмашнов Александр Александрович) вернулся к себе и, конечно, позвонил мне, зная мою заангажированность в этом деле и потому также, что Коваленко он материал посылал с припиской: доложить и Черняеву. Во всяком случае, Балмашнов не решался еще раз пойти к Б.Н.'у с китайским вопросом.

Что делать? С одной стороны, надо нейтрализовать обвинение в нарушении дисциплины, особенно, если интервенция Арбатова дойдет до Андропова (дополнительный негатив: мол, подключил человека не из аппарата, пусть и доверенного, «вхожего» в большие дворы и к самому Андропову. Юрка часто у него бывает еще с тех времен, когда он был руководителем консультантской группы в Отделе ЦК, которым заведовал в 60-ые годы Ю.В.).

С другой стороны, нельзя допустить, чтоб статья в «Коммунисте» пошла – государственный интерес.

Звоню Шарапову, помощнику Андропова, который ведет международные дела и с которым у меня уже был разговор раньше по первой еще верстке, после того как я понял, что разговор с Владимировым на эту тему ничего не дал: тот занимается внутренними вопросами и хоть обещал доложить Андропову о моих опасениях, что статья в «Коммунисте» идет в разрез с Ташкентом – наверно, этого не сделал, а может быть попросил сделать Шарапова.

Так вот, звоню ему:

- Вас еще интересует китайский вопрос? (вроде бы в шутку).

- Да, Вы вроде обещали прислать свое мнение о второй верстке. По первой, как я Вам говорил, Ю.В. позвонил Рахманину и велел «резко сократить внутреннюю часть и тогда пусть идет»

- Я готов Вам дать свое мнение. Статья, хоть и стала короче, но суть и тон остались прежними. Хотите, я изложу свое мнение на бумаге?
- Пожалуйста.

Сел и сочинил две вежливых, но весьма решительных страницы, настаивая на том, что по крайней мере до китайского съезда со статьей выступать не следует. Отправил.

Прошло три дня. Ни слуху, ни духу. Тем временем, звонит мне Бугаев, зам Косолапова, который решил от греха смыться в отпуск.

- Что мне делать, Анатолий Сергеевич? По второй рассылке я получил замечания только от Устинова (член ПБ, министр обороны). Ну, кое-где ослабил резкости, а кое-где и усилил… Но больше никто…

Потом, говорит, выясняется, что Рахманин (как секретарь китайской комиссии) добился, чтобы замечания поступали не в редакцию, не к нам, а к нему, а он нам потом пришлет окончательный текст.

- Не знаю, что делать Евгений Иосифович… Я сделал всё, что мог, а теперь не имею даже права дать Вам свои замечания по второй верстке.
- Мне, между прочим, позвонил… (тут осекся, фамилию не назвал, но я понял, что речь идет о Зимянине). Стал кричать на меня, знаете, в своем «товарищеском» (панибратском) стиле: «Тебе, что – двух решений Политбюро и одного Секретариата ЦК мало?! Ты почему не печатаешь статью? И т.д.» Я ему спокойно отвечаю: а мне нечего печатать, Рахманин все забрал себе, у меня текста даже нет, и замечаний ко мне больше не поступает. Кроме того, Михаил Васильевич, пока я не получу текста, завизированного официально от имени комиссии ПБ, я печатать не буду. Потому, что редколлегия фактически отстранена от этого дела, между тем, как все без исключения члены редколлегии против такой статьи (тут он добавил: я, Анатолий Сергеевич, полностью, на 200 % согласен с вашим мнением, мне Косолапов показывал ваш отзыв). Так что ни я, ни редколлегия в этом принципиальном вопросе брать на себя ответственности не будем. Я – старый партиец и против своего убеждения не пойду, а я убежден, что будет нанесен большой вред нашей политике.

Не знаю уж, так ли всё он отвечал Секретарю ЦК (впрочем, с него станется, он человек резкий, определенный, битый и честный), но в ответ получил: «Ну, смотри, смотри!»

После этого разговора с Бугаевым я все-таки решил позвонить Шарапову. Он: я докладывал Ю.В. (Андропову), но как бы от себя…

- Почему же? Почему вы не сочли возможным сослаться на меня, я ведь не прячусь, просто мне неудобно звонить самому…
- Ну, вот так. Я решил, что так будет лучше.
- Хорошо. И что же?
- Он сказал, что… и повторил то же – что надо сократить внутреннюю часть и пусть идет. (Только потом я понял, в чем там дело! Но об этом – в финале). Однако, ваши пометки на самом тексте, по-моему, полезны.
- Но я их не имею теперь права даже отправить в «Коммунист»!
- А вы попытайтесь отдать их Борису Николаевичу. Он ведь член комиссии.
- Хорошо. Спасибо!

Пишу записку Пономареву: мол, общался с Шараповым, докладывал ли он общие соображения – прилагаю! – Андропову, не могу сказать, замечания же по тексту он нашел «существенными» – тоже прилагаю!

Прошло еще два дня. Звонит Балмашнов: Борис Николаевич вернул мне ваши замечания, вашу записочку и ваш экземпляр статьи, не сказав ни слова. Я пришлю вам…

Т.е. та же «линия», что и с Коваленко: сказал, что заниматься не буду и баста!

Я понял, что биться о другие стенки уже бесполезно и решил покорно ждать появления статьи в очередном номере «Коммуниста».

А вчера произошло следующее.

Вызывает меня Б.Н. (он сегодня уехал в отпуск): мол, надо поговорить перед отъездом. Прихожу. Сияет. Подхожу к столу. Он бросает мне какой-то текст со словами: Вот почитайте. Ваша взяла!

Читаю: записка Брежнева, адресованная Андропову, очень короткая, в один абзац. Прилагаю, мол, записку моего помощника т. Голикова по китайским делам. По-моему, в ней есть дельные мысли. Прошу обсудить ее на китайской комиссии Политбюро.

А в записке Голикова, страниц на 15, следующее: создается ощущение, что у нас недооценивается значение нормализации с Китаем. Наша пропаганда слабо поддерживает ташкентскую линию, а то и выступает с материалами, которые ее фактически подрывают (ссылка, в частности, на статью в «Правде» от 20 июля). Перемены в Китае никто не хочет замечать, а они происходят. Главный наш враг – империализм США, поэтому и главный удар надо наносить туда. А получается, что в смысле переговоров, контактов, обменов мы на многое такое идем в отношении с США (даже в столь острый момент), на что с Китаем мы не позволяем себе идти. Нужен стратегический, ташкентский подход к проблеме Китая, надо каждый день делать все возможное, чтобы снять напряженность, налаживать сотрудничество, добиваться взаимопонимания, не толкать Китай в сторону США. И т.д.

О статье для «Коммуниста» в этой записке – ни слова, как и о линии Рахманина. Но смысл – абсолютно антирахманинский.

О реакции на это Пономарева - весь он как на ладони. Говорит мне: я посылал этот текст Коваленко. Вы знаете, некоторое время назад мы подготовили письмо братским партиям по китайскому вопросу, сейчас его надо поправить в духе этой записки Леонида Ильича. Андропов было уже согласился с нашим проектом, а теперь просит еще «посмотреть» (письмо, хоть, конечно, и не совсем в духе Рахманина, но почти… И основу-то составляли рахманинцы, наши лишь правили – «ослабляли» рахманинщину).

Вызвал я тут же Коваленко. Сели втроем, причем Б.Н. вышел из-за стола и подсел к нам за маленький приставной столик. Я совсем обнаглел, говорю: Б.Н., а может совсем не посылать? Какой смысл-то, если мы тоже за нормализацию, как же мы будем отговаривать от этого других?..

- Нет, нет, не увлекайтесь!

И пустился в редактирование.

Пока шел к нему Коваленко, Б.Н. успел мне сообщить «подробности»… Ему звонил Андропов… в этой связи и сказал – в каком-то, конечно, контексте: «Рахманин ведет себя неправильно. Я его предупредил. Если же ничего не измениться, придется поискать ему какое-то другое место. И Шарапову своему сказал – они ведь друзья с Рахманиным, вместе в свое время в Китае были, чуть ли не учились вместе: или ты будешь выполнять свои обязанности помощника как полагается, или придется тебе уйти из аппарата»…

Вот, оказывается, как! А я-то стучался к Шарапову, надеясь на понимание и поддержку. Получалось же так, что каждое мое слово и бумажка по Китаю, тут же становились известны Рахманину!

Но кто Голикова надоумил? Или, может быть, он и является источником ташкентской линии. И «дошел» до записки «независимо», может быть, даже не зная о статье для «Коммуниста». Но «Интеркит-то» он не мог не знать…

Самое важное, что его вторжение пришло во время!

А каков мой Пономарев! «Не буду больше этим заниматься!» Политический деятель=мелкий аппаратчик, ловчивший всю жизнь, лишь бы не вылететь из таратайки!

Арбатская прогулка имела и другие следствия. Но начну издалека. Еще до отъезда Загладина, Б.Н. сказал ему и потом мне, что надо срочно составить записку-справку о состоянии МКД. Андропов, мол, просил его сделать это, чтоб он мог войти «в курс дела», поскольку после майского Пленума именно ему поручили курировать и наш Отдел, и

международное комдвижение, и все прочие движения. Я вспомнил, что еще к съезду мы готовили по собственной инициативе подобную аналогичную записку. Но она осталась в «аммоналах» Балмашнова. Свелось все к изданному типографски (на 400 страниц) справочнику о партиях под грифом «секретно», который, конечно, никому из ПБ никогда не пришло бы в голову читать. Я посоветовал Жилину -–для данного задания – положить в основу ту нашу «аналитическую записку». Консультанты начали работать. Но Б.Н.'у надо: «Скорей, скорей!» Он вызвал стенографистку, продиктовал 13 страниц, велел Жилину «поправить» и тот прибежал ко мне с этим текстом и с запиской Пономареву (чтоб мы вдвоем подписали): вот, мол, первый набросок. Это был оптимистический, очковтирательский текст.

На другой день я сказал Б.Н.'у: могу вам дать, сделанное Жилиным, но сам я считаю текст неподходящим, нужно еще поработать.

И вот через несколько дней мы с Арбатовым оказались в арбатских переулках.

8 августа 82 г.

Воскресенье, после дачи. Арбатов: на днях он был у Андропова по разным делам. Тот разоткровенничался (давно не было так). Говорит: из Секретарей ЦК Пономарев меня признал последним. Да и признал ли… Я, конечно, понимаю: он и старше почти на 10 лет, и в политике я появился много позже, потом оба мы оказались завами двух параллельных отделов в ЦК, но он раньше стал Секретарем. А потом я его обошел и вот теперь – его начальник. Словом, понятно. Однако, дело есть дело. И я ведь буду вести то, что мне поручили, так, как считаю нужным. И казалось бы… А он меня обманывает. Я попросил, чтоб его Отдел подготовил оценку международного комдвижения, чтоб составить себе общее представление, «где мы находимся». И – не о том, что они должны делать (т.е. сами КП), а что мы, КПСС, должны делать в отношении них. Но вот уже идет третья неделя, ничего пока нет. Надо напомнить. Я добьюсь. И втереть мне очки будет трудно: по роду своих занятий я все-таки кое как ориентирован в этом предмете.

Арбатов говорил это с оттенком пренебрежения к Пономареву, явно передавая тональность Ю.В. Грешным делом я подумал: не говорилось ли это для того, чтоб дошло до Б.Н.'а. Юрка передал и свою реакцию: я, мол, комментировал, что уважаю Бориса Николаевича, что он не интриган, никому не подговнил, никого не топил, не злопамятен, есть в нем какие-то «основы» и проч. Но все это, чтоб оправдать и свое «однако» в отношении Б.Н.'а…

Да, все его дано раскусили, как мелкотравчатого аппаратчика, который делает дело, думая прежде всего о своем кресле.

Я и до этого разговора на Арбате пару раз напоминал Пономареву об этом задании-просьбе. Он практически не реагировал и создавалось впечатление, что он хотел бы эту «просьбу» замять, лучше бы, чтоб о ней забыли и т.п.

Теперь я знал, что забыть не удастся. Понял также, что в какой-то форме я должен донести до Б.Н.'а этот разговор. Через пару дней, будучи у него, среди других дел, будто что-то вспомнив, я сообщил ему, что был вот интересный разговор с Арбатовым. Вы, мол, знаете, что он «знаком» с Юрием Владимировичем, бывает у него. И вот Ю.В. сказал Арбатову, что намерен всерьез заняться МКД, что он просил Бориса Николаевича дать ему объективный анализ положения, реалистический, чтоб можно было практически подойти к проблемам… И что тем самым, слукавил я, (как будто бы сказал Ю.В. Арбатову) он заодно хотел бы и посмотреть, как сами товарищи, т.е. Международный Отдел, который занимается МКД, оценивают то, что происходит и на что можно тут рассчитывать».

Б.Н. очень посерьезнел, явно был взволнован. «Давайте, давайте, когда можете представить мне?»

Я говорю: Думаю, завтра. Ведь мы давно уже работаем над этим…

«Давайте, давайте!»

И я дал. 20 страниц действительно реалистической оценки положения.

На другой день, едва я появился на работе – звонок: «Зайдите».

Гневу не было предела. «Вы малюете все черной краской! Зачем нужна такая мрачная картина?! Я не нахожу слов. Аргументов против такого подхода больше, чем можно найти, как это выразить»… И т.п. Я попытался возражать, даже употребил такое выражение: «нас ведь прощупывают и нельзя лакировать, это же сразу будет видно».

- Да, что они там знают о комдвижении?! И что же – нашей работы, значит, не видно?. Все плохо?

Препирательства были длительные. В конце концов, мне пришлось заткнуться. Б.Н. совал мне справочник по партиям, цитировал их заслуги и достижения и потребовал, чтоб записка была составлена «в этом духе».

Через час я узнал, что он тут же вызвал Пышкова (зав. сектором информации, моего подчиненного) и велел ему сделать записку «какую надо».

У Пышкова лакировочные обзоры всегда наготове, и через день – очередной был на столе у Пономарева. Но Б.Н. не решился все-таки обойти меня, видимо, сомнения у него остались, а может быть, подозревал, что я ему не все сказал о разговоре Арбатова с Андроповым.

Он прислал пышковское сочинение мне и вдогонку позвонил, сказав, что считает в основном подходящим. Через несколько часов, прочитав, я позвонил ему и сказал: «По-моему, Борис Николаевич, это совсем не годится. На обкомовском языке это называлось бы приписками».

- Почему вы со мной так разговариваете? – он вышел из себя и весь вибрировал. - Я что – не имею права высказать свое мнение? Вы сделали работу. Работа большая, но со многим я не согласен. Почему вы так?

- Борис Николаевич, я сказал свое мнение о пышковской записке. Но я понимаю так: Вы сделали замечания, Вы поручили мне переделать. И как на протяжении 20 лет я ваши поручения выполняю, Ваше дело выбирать.

За два дня мы с Козловым и Жилиным сочинили 55 страниц, где большую часть текста заняли «справки» об отдельных партиях. Но от сути предыдущего анализа я решил не отказываться и сказал Жилину и Козлову: невозможно подчиниться требованию Б.Н.'а полностью. Этим мы подвели бы и его самого (я-то знаю от Арбатова, чего от него хотят). Сами мы будем выглядеть неприглядно. А главное: появился шанс подойти, наконец, по-новому, по-современному к МКД. Андропов хочет и может это сделать. Потребность в новом подходе давно назрела. И если еще можно что-то спасти от этого «самого влиятельного фактора современности», в том числе и для на самих, для нашей международной политики, то надо помочь новому, влиятельному, умному, ответственному человеку, а не обманывать его сходу, отстаивая явно ретроградную и давно изжившую себя, так называемую, пономаревскую линию и образ действий, который определяется таким же отношением к своему «объекту» (и к своей ответственности за него), как у дюжинного секретаря обкома в отношении своей области.

Пономарев два дня «лакировал» наш текст, вычеркивал максимум возможного из реализма и критики, не говоря уж о самокритике. В конце концов картина получилась довольно розоватая, но что-то от реализма там все-таки осталось. В таком виде он и отнес это Андропову.

26 августа 82 г.

В отпуску. С 13 по 25 августа был в Литве с дочкой Аней.

На другой день по приезду был приглашен первым Секретарем ЦК КП Литвы Гришкявичусом на его «виллу», рядом с нашим домом отдыха. Пообедали, говорили. Но с этого момента я уже для всех в Литве стал «генералом». В холодильнике на другое утро появились водка и пиво, конфеты. Секретарь обкома Клайпеды приехал, чтоб договориться о вышеупомянутой поездке. Директор дома отдыха ходил все время вокруг. Председатель горисполкома паланги «лично» пригласил сопроводить в янтарный музей в замок Тышкевича, показать город, потом появился Секретарь ЦК КП Литвы Шепетис (умный, широко образованный, по западному демократичный, человек большой культуры. Ведает в ЦК идеологией). И завершилась вся эта поездка для меня явно «не по чину» и не по заслугам.

О моей встрече с Гришкявичусом и о нашем вечере с О'Риорданом-Шепетисом было опубликовано в «Советской Литве».

2 сентября 82 г.

Прожив 11 дней в Паланге, мы возвращались через Каунас и Вильнюс.

Качество дорог. Пейзажи. Хозяйства.

Колхоз, кажется «Восточная заря», такие по TV редко показывают. Но – реальность. 3000 населения, 450 работников, 86 тракторов, полсотни комбайнов, свой ремонтный цех, фактически завод, 81 специалист с высшим образованием, две школы, два детсада, дом семейных торжеств (банька!), дома все кирпичные и почти все по индивидуальным проектам, прелесть, любо-дорого смотреть, быт – полная чаша. Механизаторы зарабатывают по 12 рублей в день, в среднем за год – нормальная зарплата и сверх того, в страду по 500 рублей в месяц. Это – среднее хозяйство. Коровы дают по 4200 литров в год, 3700 сдают государству, для себя остается – залейся, вся еда фактически своя, кроме хлеба.

Каунас. Председатель горисполкома, секретарь горкома водили по городу, в музей Черлениса. Чудо! Девушка – гид, высочайшей культуры.

Шепетис приехал встречать меня в Каунас, ужинали в доме гостей и лишь к ночи приехали в Вильнюс.

Прядильно-трикотажная фабрика. Кадры… совсем не то, что у нас. Простота, демократичность: на всех уровнях – на городском, ЦК'овском, райкомовском и фабричном (это, кстати, потом отметил О'Риордан, считая это главным фактором успехов республики).

Старый Вильнюс восстанавливают. Костелы. Картинная галерея в одном из них очень богатая. Обед с первым секретарем ГК Вильнюса и проводы у трапа самолета по высшему разряду.

Я до сих пор в толк не возьму, почему мне был оказан прием на уровне по меньшей мере Секретаря ЦК КПСС! Какую-то роль сыграл личностный момент: знакомство с Шепетисом, который совсем недавно вместо меня ездил на съезд КП Ирландии. И то, что он прекрасный, интеллигентный, доброжелательный человек, с неподдельным авторитетом в республике. Но опять же: я на отдыхе, Секретарь ЦК не обязан меня опекать. И главное, наверно, что я был знаком с Гришкявичусом, который пообедав со мной, сделал звонки!

Итак, я узнал за короткий срок одну из «трудных» наших республик с ксендзами и нутряным историческим антисоветизмом и антируссизмом (скорее), с которыми «нашим товарищам» там приходится иметь дело. И если б не материальное благополучие, то Литва (да еще рядом с Польшей) могла бы создать большие проблемы. Думаю, что большинство литовцев – не против советской власти, а теперь и не против колхозного строя, все это они адаптировали на свой лад и использовали, хорошо при том, на свое благо. Они – против абстрактного (в общем-то, чисто идеологического) подчинения русским.

Внезапно умер Иноземцев. 12 августа. Через день после того, как он заходил ко мне в ЦК. Ему надо было тогда позвонить по ВЧ в Грузию, предупредить, что 20-го он приедет с

женой в Пицунду. Поговорили. Я попытался уговорить его пощадить Холодковского, которого он наметил к увольнению в связи с «политическим делом» в его институте (арест двух сотрудников за антисоветскую деятельность). Безуспешно. Об этом он говорил надменно, будто со стороны. Видно было, что он уже пришел в себя (как и от какой-то нечестной хозяйственной аферы, в которой он сам и его зам по хозяйственной части были замешаны – слухи по Москве, приходил оправдываться к Б.Н.'у, выплатил из своего кармана за какое-то институтское имущество для своей дачи, на которой он и умер). Словом, это был тот же «Колька», милый и навязчиво откровенный со «своими» и грубый, жесткий, вульгарный с подчиненными.

Ругал последними словами (как и за день до этого Ю. Арбатов) материалы для встречи на высшем уровне СЭВ, крыл Гарбузова, Байбакова и т.п. матом. Ушел от меня к Шапошникову согласовать предстоящую поездку в Японию, потом вернулся и таки дозвонился до Грузии, тон его сообщения о своем приезде туда был – не просьба, а указание.

И вот, пожалуйста… Узнал я о его смерти при странных обстоятельствах, в Паланге. Вечером 14-го, когда был в гостях у Парастаева. Он, как бы между прочим, между тостами, спрашивает:

- Анатолий Сергеевич, а вы не знаете, от чего умер Николай Николаевич?
- Какой Николай Николаевич?..

В Москве, конечно, ползли слухи о самоубийстве. Однако, это был инфаркт. Видно, сказались вышеупомянутые происшествия, хотя его «простили».

11 сентября 82 г.

Опять работа. Очевидно ее ритм – главное, что обеспечивает всю прочую жизнеспособность, в том числе и в нравственном смысле: будто постоянно поддерживаешь право на все остальное, даже на «крупномасштабное», а не обывательское отношение ко всему окружающему.

Но физически я, конечно, не отдохнул… «Игровое» время отдыха не превышает недели. Но мне, по-видимому, больше уже и не нужно.

Эпизод с ругательным абзацем о Китае в речи Устинова при вручении г. Куйбышеву ордена. Александров сразу усек: это, мол, несмотря на записку Брежнева и решение китайской комиссии! Если это – дело Рахманина, не сносить ему головы. Проверил: в рассылке этого абзаца не было, значит, появился «по замечаниям». Оказалось – да: именно Олег порекомендовал его восстановить!

Но это теперь уже эпизод. На первом заседании ПБ, на котором после отпуска председательствовал Брежнев, он выступил «по всем обсуждавшимся вопросам».

И – о Китае (в духе своей записки), и о том, что надо спокойнее и умнее оценивать международную обстановку: «отрицательное не бывает без положительного»… Больше обращать внимания на отношения и с крупными капиталистическими странами – «союзниками США» и особенно с малыми.

С Японией – не долдонить одно и то же, что мол, территориального вопроса нет. А что-нибудь придумывать в противовес. Приваживать Японию к себе, а не злить.

И вообще: говорим об интернационализме, о дружбе между народами, а что мы показываем по TV, передаем по радио о капиталистических странах? – Агрессию, кризис, всякие беды до безобразия… А между тем, там живут народы, которые чего-то добились, что-то есть у них хорошее и достойное уважения. Мы ведь патенты у них покупаем, а …

(Тут, правда, он не все глядел по TV, например, передачи нашего японского корреспондента об автозаводе в Токио и о лесопильном предприятии. Москвичи сочли эти передачи за «втык» нашим хозяйственникам!).

- И о работе аппарата ЦК – чтоб он не превращался в придаток министерств, а был контрольным органом Центрального Комитета партии.
- И о том, что на переговорах по разоружению в Женеве и везде надо еще более инициативно действовать, чтоб всем была видна наша искренность и честная готовность добиться справедливых результатов.

По экономике тоже здравые вещи. Словом, на этой верхотуре все правильно. И Андропов будет главным проводником всех этих идей, тем более, что это и его собственные идеи…

Но беда в косности, несовершенстве, отсталости, лености и развращенности исполнительного механизма. Его надо в корне изменить и провести генеральную чистку (наподобие того, что наметили китайцы на своем XII съезде!) – от старья, от карьеризма, от замшелости, от глупости и равнодушия. Кадры менять процентов на 80! Иначе – ничего не будет.

18 сентября 82 г.

На неделе явился Бовин, чтоб опять «что-то», вернее за кого-то просить. На этот раз за некую Таню Алексееву, которую выдворили из журнала «Проблемы мира и социализма» в Праге за попытку унести из магазина штанишки, не заплатив. Скорее всего – дело, подстроенное чехами, которые нас теперь тоже «очень любят». Зазвал меня к себе вечером. Посидели. Был Колька Шишлин. Застал его за разбором списка членов советского Союза Михаила Архангела. Много там знакомых и незнакомых имен: Солоухин, Чивилихин, Сартаков, Гулыга, Андрей Николаевич Сахаров (член редколлегии «Вопросы истории»), Евсеев и др. известные антисемиты, многие члены издательства «Молодая гвардия» – там гнездо почвенности и антисемитизма, Кожинов (автор нашумевшей в прошлом году статьи), работники аппарата МГК ВЛКСМ, редакций «Нашего современника» и других журналов… Полсотни наберется. Словом, что-то вроде масонской ложи. Бовин решил ею заняться.

Некоторых из них уже исключали из партии, потом опять восстанавливали и они оказывались на хорошей работе. В общем – как полагается в хорошей полутайной организации, связанной с верхними аппаратами.

Зачитывал он мне выдержки из некоторых их ротапринтных сочинений, в частности, устав – принципиально ничего нового, кроме того, что это в Советском Союзе и составляется членами КПСС! Нация – единственно жизнеспособная категория, интернационализм – да, но в духе вселенского русского первенства в качестве объединяющего начала, интеллигенция – мразь, источник духовной гнилости и физического истощения нации, солдат – лучший образец человека, рыцарство (в павловском стиле), даже – телесные наказания, расправа за малейшие преступления и т.д.

Да,… болеет наше общество!

А в присутствии Шишлина разговор пошел о том, как они там вместе с Блатовым организовывали и оформляли многочисленные записки Брежнева в Политбюро – по экономике, сельскому хозяйству, Китаю, международным делам, принципам управления (с упором на местную инициативу) и т.д. Я даже, расчувствовавшись, сказал, что вам (т.е. Шишлину и Блатову) партия и народ низкий поклон бы сделали, если б знали, что «это вы».

Бовин же стал рассуждать, что беда, мол, заключается в том, что все это «так и останется»… на бумаге. Я возразил: но теперь-то, когда Андропов – alter ego, для которого такие идеи в общем-то его собственные, но будучи оформлены от имени Леонида Ильича, дают полную возможность внедрить их.

С этим Бовин не стал спорить, наоборот, подтвердил(из своего личного общения с Ю.В.), что так оно и есть. Но возможности его не надо преувеличивать, не говоря уже о том, что у него нет аппарата. Аппарат, кроме его двух-трех помощников, в руках у других.

Возьми, например, идеологический аппарат. Кто там? Поставь рядом: Замятин, Тяжельников, Трапезников, Шауро. Из этих четырех, первый – дурак и шизофреник – выглядит, увы, приличнее всех.

А на «автора записок» не очень-то обопрешься. Ты же знаешь, как они делаются (я не знал до сих пор). Накануне выезда в Крым Генерального, собираются «ребята»: Юрка Арбатов, Богомолов, раньше Колька Иноземцев, покорный слуга, конечно, другие – не стал называть, и распределяют роли. Ты, мол, пишешь о планировании, ты – о сельском хозяйстве, ты – об Америке, ты – о Японии и т.д. но не перебарщивать. Правда, в этом году одна записка прорвалась «справа» – о Китае, от Голикова, неожиданная помощь правому делу. Ну вот. Приходят такие докладные на Юг, некоторые от имени Институтов (как и на этот раз от Арбатова по международным делам. Действительно то, что он, Арбатов, мне рассказывал за день до моего отпуска – о своей докладной, все практически вошло в записку Брежнева, которую я прочел по возвращении из отпуска). Попадают они в руки Шишлина и Блатова, ужимаются и редактируются «под принятый для Генерального стиль и язык». Затем громко зачитываются ему при удобном случае. Как правило, без малейших поправок тут же подписываются и отсылаются в Москву – на имя, в данном случае, Андропова с просьбой рассмотреть на ПБ.

Но если ты наутро заговоришь об этой записке или хотя бы на тему, которой она была посвящена, он вылупит на тебя глаза – будто впервые об этом слышит и отмахнется как от назойливой мухи: не мешай, мол, отдыхать. Он просто не помнит, что он делает и что он подписывает.

Я говорю: ну, это уже другой вопрос. А с точки зрения дела, то, по-моему, Андропов всерьез взялся. Он, конечно, знает, как делаются такие записки. Но для него они – документ, база для борьбы за преодоление бардака, для спасения советской власти.

Правильно, говорит, Бовин. Ну, а если при «нем» в Крыму окажутся не Шишлин и не Бовин, а кто-нибудь из союза Михаила Архангела? Тогда что?!

За эту неделю дважды встречался с лидерами новой Каталонской КП, которые отделились от ОСПК (еврокоммунисты) и сейчас – ядро воссоздания антикаррильевской КП Испании (вместе с другими группами). ЦК, значит, решился пойти почти открыто на поддержку действий по ликвидации партии Каррильо, вернее доведению ее до естественного распада и смерти. Рамос, Ардиака - молодой и пожилой (участник Гражданской войны). Посмотрим, как им это удастся.

Подготовили для Б.Н.'а доклад «Ленинская стратегия мира», он будет читать перед элитой МГК. На этот раз не очень капризничал.

Был у меня Мартынов, который сейчас временно исполнят обязанности директора ИМЭМО после Иноземцева. По существу пришел хлопотать за Дилигенского и Холодковского. Дилигенский был, оказывается, научным руководителем одного из арестованных. А Холодковский под сомнением насчет «сионизма» (анонимки есть) – и под «это дело» его решили почистить из Института. Жмет горком и отдел науки ЦК. А это – вместе с Дилигенским – одна из опор научного потенциала всего коллектива.

Я сказал все хорошие слова и о том, и о другом. Я их знаю 30 лет. Но что я могу сделать? Поговорил о них с Б.Н.'ом. Дилигенского он хорошо знает, ценил, привлекал к нашим большим разработкам. О Холодковском будто впервые слышит. Но весь мой «заход» воспринял просто как разговор «о таких вот делах» в Институте Иноземцева, а отнюдь не как просьбу поддержать хотя бы меня в моих намерениях что-то сделать.

В позапрошлый четверг уволили в отставку Кириленко на первом же заседании ПБ, на котором был после отпуска Брежнев. Давно уже говорили, что он в полном маразме: не ведает где и что с ним. Полное выпадение памяти. Между тем, я его еще во вторник за два дня до пенсии видел на Секретариате. Попытка Андропова выжать из него хоть пару фраз по

тульскому вопросу, не увенчалась ничем. Вот так, видимо, будут отпадать уже совсем сгнившие сучья.

Невозможно читать герценовский «Колокол». Мучают ассоциации. И стыдно становится под воздействием его ярости, которую, однако, Ленин считал непоследовательной. Какая же тогда нужна – против российских извечных мерзостей!

29 сентября 82 г.

В конце прошлой недели, Брежнев был в Баку: вручал орден республике за прошлую пятилетку.

Алиев, который превзошел все рекорды жополижества и холуйства, назвал эти дни «историческими». (Такой вульгарности и пошлости в восхвалениях не было даже при Сталине). И не поймешь – то ли он идиот персонально, то ли от наглого цинизма: мол, нате-ка, выкусите! Я свое получу, а там посмотрим…

Но не в этом пока дело. Воскресенье, действительно, оказалось «историческим».

Еду я в машине на дачу. «Маяк» обозначает 11 часов. Прошу шофера увеличить громкость: прямая передача из Баку. Алиев открывает и предоставляет слово… начинается косноязычие, свидетельствующее о том, что наш лидер находится в плачевной фазе своего мерцающего сознания. Видно, сам не понимает и не слышит, что говорит, и вся энергия на то, чтобы прочитать каждое следующее слово (что не всегда удается). После каждой фразы – аплодисменты, бурные аплодисменты. Проходит минут десять. Он уже вместо «Азербайджан» произносит «Афганистан» и вдруг совсем замолкает… Какое-то шуршание, потом шум и бурные аплодисменты. И вдруг из приемника его слова: «Это не моя вина»… Молчание несколько секунд и еще: «Придется читать сначала». Аплодисменты…

На другой день на работе спрашиваю у тех, кто смотрел по TV, - что произошло? А в программе «Время» все, естественно, было в порядке.

А произошло следующее.

Брежнев прочитал примерно три страницы, напечатанные дюймовыми буквами и в это время на экране заметили смятение Александрова, который сидел в президиуме рядом с Алиевым и был «в створе» оратора, только над ним. Он близоруко и лихорадочно подносил к носу то один текст, то другой, всплескивая руками. Опять проделывал движения от одной папки к другой, наконец, вскочил и побежал к трибуне. Подскочил к оратору с одного бока… Тот глянул на него невидящим оком и продолжал читать. Александров подскочил с другого бока, делая знаки, но оратор отмахнулся от него и продолжал читать. Наконец, «Воробей» вынужден был взять оратора за локоть. И в этот момент камеры были переведены на зал, Алиев начал бурно аплодировать, чтоб замять неловкость и заполнить паузу.

Слова «не моя вина» были произнесены тогда, когда камера вновь была направлена на трибуну и был виден поспешно удаляющийся Александров-Агентов Андрей Михайлович. При этих словах в его сторону был брошен гневный взгляд.

Итак, он читал не тот текст и не заметил бы этого до самого конца, даже несмотря на появление в нем слова «Афганистан». Как выяснилось потом(я сам мог сличить то, что слышал в машине, с опубликованным через день текстом выступления Брежнева на встрече с руководством республики) – он читал именно этот последний текст, в котором были и конфиденциальные моменты, не предназначавшиеся для печати.

Увы! Не прошло и двух недель, как подтвердились наши с Бовиным опасения насчет того, что при таком положении можно подсунуть что угодно и это тут же становится политикой, против которой никто не осмелится пошевельнуть пальцем.

И в самом деле: его показывали много, когда возили и водили по разным «объектам» в Баку. Вид у него законченного маразматика.

Протокол его встреч там был сверстан с протокола пребывания главы государства в иностранном государстве: почетный караул, махание саблей, гимны СССР и Азербайджанской ССР, парад войск почетного караула, эскорт машин и мотоциклов… То же самое при возложении у памятников, при проводах… Не говорю уже о национальных танцах «на всем протяжении» и народных толп с флажками и транспарантами – все 30 километров от города до аэропорта. Первая моя реакция была: так это же нарушение Конституции… Однако, по размышлении стало ясно – Алиев предложил такой протокол и никто не осмелился двинуть языком.

Сегодня Брутенц принес в кармане вырезку из газеты «Бакинский рабочий». Стихи Саляма Рустама, народного поэта Азербайджана. Напоминает Сулеймана Стальского и Джамбула, только они до таких вершин не поднимались: там и вождь, и сияние, и счастье в каждом сердце от одного взгляда, и мудрость, и источник всех благ… Словами (своими, нормальными) это не передаваемо.

Я прочел и хохочу. А Карэн мне говорит: привезли из Баку, т.е. все прекрасно всё видят. Парадокс состоит в том, что если ты сейчас велишь размножить это в десятках экземпляров, тебя привлекут за антисоветчину. Потому, что сочтут за издевательство, никто не поверит, что ты всерьез и искренне в восторге от этих стихов.

<u>2 октября 82 г.</u>

Сегодня впервые по осеннему прохладно. Неделя прошла безумно: читал, читал обо всем в мире – общедоступное и под грифом «совершенно секретно». И создается впечатление, что все-таки что-то должно скоро произойти.

Б.Н. выступил с нашим докладом «Ленинская стратегия мира» в Колонном зале на чтениях МГК. Доволен.

По рассылке Рахманин (как и в случае с Устиновым) пытался подсунуть в его доклад свою китаефобию, но Б.Н. на этот раз решительно отверг, удивившись упорству и нахальству Рахманина. Он, да и многие, ждут не дождутся, чтоб китайцы выкинули что-нибудь такое, чтоб вызвать «гнев» у Леонида Ильича – и чтоб вся ташкентская линия и, особенно, курс ПБ, взятый в августе после записки Голикова, - полетели к чертям. Абсолютная неспособность мыслить историческими категориями, непонимание, что такое государственная политика. А ведь то, что мы с китайцами цапались лишние 7-8 лет – это заслуга Рахманина – очевидной бездарности.

… Как вообще такие люди попадают в Секретари ЦК? Недавно был на Секретариате. Обсуждался уже не раз больной вопрос: почему завал с компенсационными стройками, главная их часть – в химии. Выступали всякие министры и проч., наговорили всякого – Черненко, который вел Секретариат, в итоге сказал: ничего не понятно – почему, как это получилось, кто виноват, где выход… Может быть ты, Яков Петрович, (обратился он к Рябову, недавнему Секретарю ЦК, а ныне зам. председателя Госплана) прояснишь нам картину. Тот встал и плел в течение 15 минут такую галиматью, что началось непочтительное шушуканье… После него выступили все Секретари – и каждый считал своим долгом выразить «удивление» и «возмущение» беспомощностью своего бывшего коллеги. Он был действительно жалок и глуп в своей попытке «обобщающего анализа». А ведь он был до своего секретарства первым секретарем Свердловского обкома! И из секретарей его сняли не за неспособность, а за то, что где-то, видимо, по пьянке, «не так» выразился о Генеральном.

Русаков, Зимянин… ему подобны, только в других сферах, впрочем, жизненно важных для партии и государства.

В составе Секретариата сильное впечатление производят Долгих, и, конечно, Андропов и Горбачев. Наш Б.Н. смешноват со своими дедовскими претензиями «крупно-

политически» влезать в вопросы, в которых он ничего не смыслит. Когда он начинает говорить, «публика» - присутствующие, как по команде улыбаются и перешептываются. Всегда бывает стыдно за него, хотя к этим его «интервенциям» не имеешь ни малейшего отношения.

Читаю в «Дружбе народов» эстонца Яна Кросса «Императорский безумец», опять же про нас, хотя действие происходит в пушкинские времена.

Израиль и зверства в Бейруте у всех постоянно перед глазами. Нельзя сказать, чтоб наша «общественность» искренне переживала или действительно возмущалась – не те времена, не испанская война 1936-37 годов. Мы стали взрослыми и равнодушными.

Повседневность и оглушающий пропагандистский треп по всем видам mass media притупил натуральные чувства. И все же люди думают, чтобы это значило, такая вызывающая жестокость и безнаказанность? С одной стороны спрашивают, как мы можем это терпеть? И в то же время – общее мнение, что нечего нам было лезть на Ближний Восток, своих дел невпроворот.

Приехал из Лондона Масленников Аркадий Африканович, корреспондент «Правды», сопровождает Чейтера, директора «Morning Star». За полтора часа он дал картину, какую мы получаем из многочисленных посольских и резидентских шифровок. Умно и глубоко, хотя по прогнозам слишком однозначно, категорично. Мне предстоит встреча с Чейтером на той неделе, а также с Джаганом (Генеральный секретарь Гайяны), с Кленси (Австралия), с Вассало (Генеральный секретарь Мальты).

8 октября 82г.

Выходной день. Вчера смотрел фильм «Родня» Н. Михалкова и был на Кузнецком мосту – осенняя выставка МОСХ. К 65-летию Октября. Как, конечно, понимать 65-летие. На официальную тему там, может быть, около десятка картин из тысячи. А в целом отражает и состояние общества, и степень свободы отражения этого состояния. Особенно лихо получается у «прикладников» и декораторов: всякие эскизы к пьесам, к кинофильмам, проекты декораций для театральных постановок, иллюстрации к романам и т.п. Тут стихия преднамеренной стилизации и вызывающего откровенного эпигонства (особенно под сюрреализм и «мир искусства» начала века – Сомова, Судейкина, Лансере, Борисова-Мусатова, Бенуа). А сюжеты и тематика, конечно, в иносказании – но все про нашу действительность. Толпа не убывает перед картиной «Танец маленьких лебедей» - открытый сюрреализм, но никто не обманется: про московское «высоко цивилизованное» мещанство. Есть вещи, наоборот, с глубоким настроением, с ностальгией и по революции, ее идеалам, и по духовности еще более «прошлого».

В основных залах порядочно, как всегда, барахла, поделок на темы, понятные «родным и близким». Но и здесь – все стили присутствуют, несколько хороших женских портретов (а их весьма много, может быть, тоже знамение времени?!). В разной манере – от фото натуралистической (один портрет конкретной женщины с именем и фамилией) – в стиле Лактионова, но по-современному – просто великолепен. Здесь есть и сатира, но главным образом в графике (Мамонов, например). Мало голого тела, много такого случайного, что за этим видишь прозябание неудачников, которые случайно попали в художники и вот влачат свою профессию, выпендриваясь и приспосабливаясь к моде.

Говорят в Третьяковке открылся Корин. Впервые выставлена «Русь уходящая». Надо сходить.

9 октября 82 г.

Вчера собирались у Гилилова. Вечер был… трудно найти не банальные слова. Простота без вульгарности. Собрались люди, которые доверяют друг другу, которые все понимают, у которых нет необходимости придумывать тему для общения, которые радуются, что все они такие естественные и безукоризненно порядочные, которые понимают, что всем им осталось немного и предстоит только заключение…, где могут быть и последние неожиданности.

Прочитал в № 7 «Нашего современника» рассказ Георгия Семенова «Игра в колечко». Еще одно подтверждение великости нашей современной прозы и того, что она уже вполне вошла в роль, которую, скажем, Чехов или Бунин, выполняли для своего времени. Это доподлинный критический реализм, если уж прибегать к определениям (и высокое при этом мастерство). На 20-ти журнальных страницах – все наше общество. Солженицын со своим «Матрениным двором» (тематика – та же) – просто детсадовский недоросль. А между тем, писатель (Г. Семенов, я имею в виду), конечно, ничего плохого для советской власти не хотел. Просто – самореализация таланта.

«Marxism to day» опубликовал статью Роя Медведева. Называется «СССР после Брежнева». Вот и вся братская дружба. Надо издевательски поговорить об этом с Чейтером, который сейчас здесь в Москве по приглашению «Правды». Это ведь все равно, как если бы «Коммунист» опубликовал статью Треветта – лидера «Новой рабочей партии», образовавшейся из тех, кто бросил вызов КПВ, как ревизионистской и антисоветской.

16 октября 82 г.

Эта неделя длинная. Замучили делегации. Каждый день по одной – две.

Кленси – австралийский председатель КП. Партия иссыхает в просоветском догматизме.

Вассало. Крупный человек, генеральный секретарь маленькой партии маленькой Мальты. Значительнее своей партии на много порядков.

Польский посол Кочелек с секретаршей. Пришел представиться и проинформироваться.

Вьёге - член ПБ ФКП и главный редактор «Cahiers du communism» с еще одним французом – целые два часа я распространялся обо всем. А французы после Канапы побледнели. Говорят фразами из последнего выступления Марше или из доклада на последнем Пленуме. Как румыны. Скучно. Но я их «очаровал» доверительностью.

Чейтер – член ПБ и главный редактор «Morning Star». Он сильно эволюционизировал за пять лет (как я его видел) в нашу сторону. Разговор долго не клеился, присутствовал Афанасьев.

Когда я потом Б.Н.’у об этом рассказал, он стал сильно волноваться: итальянцы бузят, надо принимать меры и тут еще оказывается – с другого боку подвох. Не доложить в ЦК – узнают, будет «выговор», доложить? А как доложишь, когда даже само название статьи страшно воспроизвести в записке в ЦК? Словом, обычные его крупномасштабные чиновничьи тревоги вместо политики.

Вчера – защита докторской диссертации у Загладина в МГУ. Четыре часа почти в атмосфере философического трепа. Мысли, которые «высказывали» эти академики, член-коры и профессора философии – для меня – обыденная банальность, с которой каждый почти день сталкиваешься в ТАСС. Но преподносится это на уровне современной марксистско-ленинской идеологической схоластики. Вадим блистал и было видно, как все его официальные и неофициальные оппоненты старались изо всех сил выглядеть на его уровне.

Потом пьянка в довольно узком кругу, но почему-то не у Вадима, а на квартире у Ваньки Фролова, с которым в паре они разрабатывают глобалистские проблемы.

Вчера Б.Н. собрал ученых из Ленинской школы и АОН – 6 человек, чтоб «посоветоваться», как обновить свою брошюру «Устарел ли марксизм-ленинизм?» (официально – «Живое и действенное учение марксизма-ленинизма»). Я их заранее предупредил, о чем будет идти речь. Подготовились. И много наговорили дельных вещей… Брошюра, которую мы с Козловым соорудили лет пять назад хорошо пошла и у нас, и среди зарубежных коммунистов.

И разумеется, каждый получил задание дописать, изменить, пополнить текст в соответствующих местах по тем темам, о которых он сам же говорил на этой сходке.

С точки зрения поддержания уровня нашего «теоретического» престижа в МКД, это мероприятие может быть не такое уж плохое, но времена уже не те, чтоб подобные акции оказывали теоретическое влияние на кого бы то ни было.

И лучше бы сам-то Б.Н. не лез в дискуссию. Ведь стоило ему открыть рот, как обнаружилось его постыдное невежество даже в тех вопросах, которые уже изложены в «его же собственной» брошюре. Апеллировал дважды ко мне, рекомендуя обратить внимание институтов на ту или иную тему, которой, по мнению Пономарева, никто еще не занимался, а надо бы, очень важно. Я мрачно опровергал, сообщая, что эти темы давно разработаны и по ним имеются целые книги. Но с него, как с гуся вода.

Вот в такого рода «мероприятиях» слишком уж наглядны цинизм и разврат этой нашей теперь уже вполне открытой практики эксплуатации чужих мозгов.

24 октября 82 г.

Прочел повесть Кожевниковой в «Новом мире» – «Елена прекрасная» – «прекрасные» портреты Гали Волчек и Олега Ефремова, а авторша, оказывается, - сестра первой его жены, которая – дочь летчика Мазурука и будущей жены Вадима Кожевникова, писателя, красавицы, как я ее запомнил по пляжу в Коктебеле в 1966 году. Несколько лет назад она умерла от рака.

Повесть – пример высокого профессионального мастерства нашей нынешней прозы, великолепная наблюдательность и точные характеристики «московских эпох» 50-х, 60-х годов интеллигентской московской среды. Но Галя, говорят в бешенстве, хотя мне показалось, она завидно «выведена».

А у меня неделя, так неделя: Марше побратался с Ху Янбином в Пекине. И наша идейно-политическая изоляция в МКД стала еще отчетливее. Б.Н. распорядился было дать в Париж телеграмму Червоненко: как же так? Мол, французские товарищи обещали нам дать отпор наскокам Пекина на советскую внешнюю политику, а на самом деле что? Но – раздумал, Зуев его убедил, что это ни к чему не приведет, а «французских товарищей» обозлит и все «достижения Пономарева» по восстановлению братских отношений с ФКП будут смазаны.

Б.Н. огорчен, что не ему, а Андропову «поручили» ехать в Берлин на 100-летие Маркса, а ему – выступать здесь на юбилейно-торжественном собрании. Суета уже началась, особенно с «решенной» статьей Леонида Ильича для «Проблем мира и социализма» – о Марксе, которого, как он сам давно признался, никогда не читал.

Вчера – субботник для Отдела – в новой партгостинице на ул. Димитрова. Профанация и стыд. Работники ЦК ползали на коленях и мыли номера, в том числе ванные и туалеты под насмешки персонала, которые ходили и указывали пальцем, где не дотерты пыль и где надо почище. Идиот, что пошел – единственный из замов! Играю в демократа и никак не могу отделаться от былой атмосферы субботников былых времен (как и первомайских демонстраций 30-ых, 50-ых годов).

Был на Корине (Русь уходящая», Пешкова, панорамы Москвы, России…). Но «Русь»… сильно он был в лапах солоухинской почвенности и умел сильно выражаться. Явление, конечно, и народищу – не пробьешься. Но и сам он «ушедший». Волнует мастерством, а не идеей.

30 октября 82 г.

Неделю назад в Лужниках произошла мини-ходынка. К концу встречи «Спартака» с каким-то голландским клубом образовалась давка и то ли обломились перила у выходной лестницы, то ли кто-то упал и потянул за собой, как камешек с горы, десятки других, но – 67 растоптанных насмерть и 200 раненных. «Вечерка» сообщила об этом в общем и целом – имеются, мол, жертвы. «Голоса» путаются в цифрах, но вся Москва знает, что произошло.

И уже, как и во всем остальном, винят не администрацию стадиона и милицию, а власти, «порядки», «систему». Мой портной, обмеряя меня, ворчал: всему причиной, что везде господствует кривда, она подавила правду, везде полно начальников, а работать никто не хочет, хочет только хорошо получать.

На стадионе, который вмещает более 80 000, на этот раз было всего 16 тысяч, в основном на двух трибунах. Но для ради «порядка» оставили только один выход… И, конечно, почти сплошь пьяная толпа. Конечно, прямым образом – причем тут вроде бы «система»? Однако, ни в 30-ые годы, ни после войны, когда и милиции было меньше, и стадион «Динамо» - не то, что –Лужники, да и позже в самих Лужниках никогда ничего подобного не было. Так что – в конечном счете – это происшествие еще один сигнал разложения общества, деморализации «системы».

А Брежнев продолжает произносить, что мы находимся «в расцвете своего могущества». Речь перед военачальниками, из которой следует, что мы не отступимся в гонке вооружений и что, оказывается, вопреки всем нашим теориям об «историческом наступлении социализма», наступает империализм. А также – что нормализация с Китаем нужна нам, чтоб не иметь второго фронта (о чем обычно думают, но не говорят).

Надоело уже самому себе ныть, что нигде ничего нет. В Ташкенте, например, в магазинах нет (осенью) даже овощей и фруктов, а на рынке – баснословные цены. Почему? Потому что, товарищ Рашидов все распахал под хлопок. Но хлопчатобумажных тканей тоже нигде нет.

Загладин неделю был в Италии. Mass media отодвинули все международные события, комментируя его визит – его публичные дискуссии, его встречи, в том числе с Берлингуэром. Партия расколота, а «база» в подавляющем большинстве не приемлет тезиса об «исчерпании импульса Октябрьской революции». И в самом деле – зачем тогда быть коммунистом, если событие, от которого пошел современный коммунизм объявить мертвым прошлым?

Интересна реакция Пономарева на телеграммы Вадима из Рима: саморекламой занимается…, кто ему разрешил коммюнике выдавать о своих встречах? Каждый другой все это мог сделать не хуже… Словом, мелкий завистник в свои 77 лет!

Ошеломляющая победа социалистов в Испании: почти 46 % голосов и абсолютное большинство в Кортесах (а Каррильо скатился с 23 места на 5).

Это наряду с победой Пальме в Швеции, «движением вперед» Папандреу в Греции, какого-никакого «левого» правительства во Франции. Но и наряду с уходом Шмидта Брандта. Не признак ли это «национализации» политического развития в мире! Наряду с интернационализацией всего остального? Не становится ли новый национализм главной массовой идеологией в современном технократическо-космополитическом мире?!

6 ноября 82 г.

Канун праздника. Удалось остаться одному. Перебрал много книг, в том числе из серии ЖЗЛ (жизнь замечательных людей) о Леонардо да Винчи и Кузнецова о Ньютоне. Все захватывает и все (даже Ньютон) заставляет опять и опять обращаться к «судьбам Родины» и к тому, «что же происходит» и «сколько можно». Особенно на фоне вчерашнего скучнейшего, кондового доклада Гришина во Дворце Съездов. И читал он его как-то плаксиво, дохло, все время затихая и всхлипывая.

Говорят, ему выговор повесили на ПБ за Лужники. Хорошо, если так…, но что-то мало верится, что так. Уж больно необычно.

Пономарев суетился вокруг трех докладов о Марксе, но, наконец, кажется, понял, что и Брежнев, и Андропов обойдутся без него, т.е. их команды сделают тексты без вмешательства претендента в теоретики нашей партии. Сосредоточился вроде на нашем проекте схемы к его собственному докладу.

Вообще в последнее время ему довольно часто дают щелчки, чтоб не лез не в свое дело. Однако, сомневаюсь, чтоб он угомонился.

Мих. Ханух (1929 год) «Людьми остаются» повесть в «Дальнем Востоке» № 14 за 1981 год. Вся читающая Москва гоняется сейчас за этим журналом, который, наверно, в городе в нескольких экземплярах, если не в одном библиотечном. Кажется, Бовин открыл это – и пошло. Это на тему о реабилитации евреев, как полноправного советского народа. Написана мастерски, волнует и идея очень нужная. Всегда у нас так – в полный голос об этом не говорили, а если кто сунет под нос упрек, пожалуйста, мол, «у нас все равны» и обо всем можно писать. И тем не менее, для евреев, которые остались и хотят остаться советскими, такие вещи – большая моральная поддержка, как несколько лет назад – «Тяжелый песок» Рыбакова.

7 ноября 82г.

На парад, после долгих колебаний, не пошел. И правильно сделал. И хоть во мне не извелся еще «боевой конь», который по трубе бьет копытом…, но уж слишком опошлено и обюрократено это празднество, которое когда-то было таким вдохновенным и идейным. Не пошел и во Дворец Съездов. Но буквально за час до приема в Кремле был вызван (срочно и непременно) Пономаревым в ЦК. В чем дело? – Приветствия от ИКП и ФКП по случаю 65 – летия Октября. У итальянцев, кроме «полной автономии» в отношениях, более или менее вежливо. Во всяком случае – настолько общё и завуалировано подана их «концепция», что можно и напечатать: не каждый догадается.

А французское – просто нахальное. Все, что Марше наговорил в Китае, все там есть – в спрессованной форме: и о необходимости демократии для социализма, и о возможности мира и разоружения, если будут уважаться суверенитет и независимость всех народов, и о «модели» социализма, которой нет и которую нельзя ни экспортировать, ни импортировать, и о «трагических ошибках», допущенных нами в ходе социалистического строительства, и о том, что ФКП также выдвинула свои предложения по разоружению (наряду с нашими), а наши, как и все другие заслуживают того, чтобы их изучить и обсудить. И т.д. и т.п. Разве, что нет похвал в адрес Хрущева, которыми Марше разразился в одном из интервью в Пекине.

Б.Н., видимо, пришел в ярость. Особенно его завели «трагические ошибки»… А никто из замов под рукой не оказался. Загладин в театре, вот и вызвал меня, но я опоздал. Он уже уехал на прием. Взял с собой эти тексты, телеграммы, чтоб «согласовать». Представляю себе удовольствие Андропова или Черненко, когда он полезет к ним за праздничным столом

со своими «вонючими» бумажками от братских партий, которых он, Пономарев, «распустил» настолько, что они шлют нам такие вещи по случаю праздника!

На текстах Б.Н.'овы пометки, из которых следует, что он склонен редактировать их, но это – скандал. И Марше (если не итальянцы) такой скандал, не задумываясь устроит публично. Я написал ему записку (Балмашнов помчался к нему в Кремль): мол, итальянцев я бы напечатал, а с французами потянул бы, потом можно бы и в перечень загнать. И ни в коем случае не править: себе дороже обойдется.

Так вот: начинаем получать бумеранги. Ведь именно Б.Н. ввел в практику превращать послания съездам братских партий в поучения и в междустрочные намеки, чем мы недовольны в их теории и практике и как это нехорошо и опасно «для них самих» - иметь такие-то взгляды. Вот теперь французы прибегли к такой же методе..

Нет, Борис Николаевич, не спасти вам Коминтерновского коммунистического движения, не быть вам секретарем обкома, отвечающим за порядок в нем! На глазах все растекается и уплывает.

Вместо парада походили с Арбатовым по кропоткинским переулкам. Он, Бовин, Цуканов и К° только что закончили в Волынском-2 речь Брежнева на предстоящем 15.11. Пленуме. Арбатов так ее охарактеризовал: поскольку Брежнев почему-то очень возлюбил премьера (Тихонова), а этот последний и слышать не хочет ни о недостатках, ни о проблемах в экономике, то, несмотря на поддержку Андропова и Горбачева, ученым евреям в Волынском ничего не удалось внести в эту речь. На прежних Пленумах хоть какие-то мысли высказывались, предложения были, пусть потом никто их не выполнял…А на этот раз даже и мыслей нет. Вся работа впустую.

Большую часть времени Юра посвятил своим столкновениям с Пономаревым по поводу своей идеи образовать «международное отделение» в Академии наук, куда вошли бы Институт США, ИМЭМО, ИМРА, Институт Африки, Институт Латинской Америки, Институт Китая и что-то еще – а себя назначить академиком-секретарем. А кого еще? – спросил я у Бори!!- говорит мне Арбатов. – Не хотите, не надо, но на других я работать не буду… Словом, это – малоинтересная тема. Зато, походя он мне сообщил следующее: их с Бовиным вызывал Андропов по поводу предстоящего ему доклада о 100-летии Маркса и выступления перед идеологическими работниками. И, между прочим, (может быть, специально – для утечки в массы) сказал: Брежнев звонит – спрашивает – кто у нас кадрами занимается? Отвечаю: Черненко. «Неправильно, - говорит Брежнев, - ты должен взять это в свои руки».

Адропов: «Я вообще Леонид Ильич, не понимаю, что происходит. Пока Черненко был в отпуске, мне вроде бы приходилось делать то, ради чего меня назначили Секретарем. Но вот он вернулся, ведет Секретариат, всё сходится к нему, и я, грешным делом, подумал, а зачем собственно я-то… И уж не для того ли меня перевели сюда, чтоб освободить место для Федорчука?»…

Брежнев, якобы: «Нет, нет, это неправильно». В результате этого разговора на прошлой неделе Секретариат вел уже опять Андропов. Хотя вчера на торжественном заседании в Кремле Черненко шел сразу вслед за Брежневым, и сидел рядом, а Андропов – слева, категория «премьера».

Юрка комментирует: Леня ушлый по части кадровых дел, его недооценивали первоначально и некоторые потом пожалели об этом. А он смотри: никогда не продвигал одного кого-нибудь, всегда пару (Подгорный-Косыгин, Суслов-Кириленко, а когда Кириленко стал стремительно сходить – выдвинул Черненко). Вот и теперь: Андропов-Черненко, обоих держит на поводке и «невидимо» образует ситуацию соперничества…, чтоб они нуждались в нем, как в арбитре. А если один кто-нибудь заберет лишку по части власти, зачем ему арбитр, зачем ему «первый»? К тому же – при беспомощности нынешнего

«первого» его очень легко и подвинуть, если «второй» будет один. А так их два! И надо сначала конкурента «подвинуть», а тем временем хозяином остается «первый».

Юрка, конечно, Миттерних и Талейран. И, конечно, человек дела и огромных способностей. Его не интересует суть вещей, он занят игрой явлений, тем, что на поверхности власти и что определяет судьбы людей, а для народа, для государства имеют косвенные, производные последствия, как правило – плохие. Так было при царях. Это российская традиция, российская модель делания политики.

8 ноября 82 г.

Читаю Ю. Давыдова «Две связки писем». Роман в «Дружбе народов». Про Нечаева, Лопатина, походя Бакунина, Лаврова, Герцена. Великое дело делают эти рядовые наши писатели, которые восстанавливают живую историю в ее самых великолепных и благородных точках. И здесь, конечно, есть подтекст и даже прямые формулы, обращенные к нам, к советскому человеку… И не так уж, наверно, мало людей у нас, на кого производят действие эти исторические примеры и мысли. Правда те, от кого зависит наша нынешняя история, ни этих, ни других романов не читают, так же, как, например, не читают «Литературку» хапуги, воры, насильники, взяточники, проходимцы, алкоголики и проч., кого она столь яростно и квалифицированно разоблачает и клеймит.

Совсем забыл зафиксировать еще одну информацию, полученную от Арбатова. У Киселева (белорусский первый секретарь) – рак. При смерти от рака же 80-ти летний Пельше, известно, что Кириленко еще в сентябре отстранен от должности (и, кажется, его уже не было на праздничных портретах). Так что, на предстоящем Пленуме, очевидно, будут заполняться вакансии.

Узнал сегодня от дежурного, что Б.Н. согласовал французское приветствие с Зимяниным (на приеме) – в том смысле, что убрали выражение «трагические ошибки», заменив: «Вместе с тем по мере строительства социализма возникали (в СССР) проблемы»… Так и в газете сегодня (приветствие ИКП еще не опубликовано). Уверен, что Жора закатит скандал.

Неужели Пономарев начал действовать по принципу Людовика XVI? Дела его при Андропове, конечно, не важны… И как бы его не сделали после Пельше председателем КПК.

11 ноября 82 г.

Вчера умер Брежнев. Я узнал об этом таким образом. Около 11 часов звонит Зимянин: «Можешь сейчас ко мне придти? На целый день. У тебя есть какое-нибудь дело?

- Да нет, - говорю. - Только вот Пономарев хотел собрать совещание замов…
- Я сейчас позвоню ему.
- Иду. А какое дело, Михаил Васильевич?
- Срочное.

Пришел, искал долго. Оказывается, он переместился из нового здания в другой подъезд. У лестничной площадки стоят Афанасьев и Толкунов.

Виктор говорит: «Можешь не ходить уже к шефу. Поступаешь в наше распоряжение». Оба смеются. Я еще ни о чем не догадываюсь, захожу в кабинет Зимянина. Здоровается и тут же за телефоны: Щелокову – отменить концерт по случаю дня милиции. Демичеву – отменить развлекательные спектакли. Лапину – отменить легкие передачи. Попутно отругал кого-то не то в ТАСС, не то в Общем отделе: спрашивали, ставить ли подпись Брежнева под посланием ангольскому руководству…

Я уже все понял. Он говорит:

- Утром, в 8часов 30 минут, умер Леонид Ильич. Сейчас надо подготовить некролог и обращение к народу. Над обращением уже работает группа Косолапова-Замятина, а ты в группе Афанасьева, Толкунова, Тяжельникова.

Опять отправляется у телефону, дает распоряжение делать маску, докладывает Черненко, такие-то две группы. Говорит:

- Посмотри, как в отношении Суслова было, как – о Сталине. Только без этого… без культизма! Строго, спокойно, с достоинством. О роли партии, Политбюро. Надо все поставить на свои места.

И опять за телефоны. Я пошел. Нас уединили в комнате на третьем этаже – какой-то не занятый кабинет для секретаря ЦК.

Мы быстро накидали план и каждый стал писать свое. К обеду насочиняли, перепечатали, обменялись … и тут начались «дискуссии», которые были бы абсолютно невозможны еще несколько часов назад.

Несмотря на «указания», действовала инерция культа: он всему инициатор, он всего создатель, везде ему принадлежит великий вклад. Но в спорах стали охладевать.

Я, например, говорю: Ну, что мы написали? «Ведомые комиссаром Брежневым советские воины совершили беспримерный подвиг на Малой земле» Был же командующий армией, у него был штаб, были командиры дивизий и т.д. А тут на тебе – «ведомые комиссаром».

Согласились, убрали.

То же в отношении экономики и, особенно, вклада в теорию. Но тут не доглядели, Б.Н. заметил сегодня утром и упрекал меня: Как же так? – говорит. – Теоретические труды Л.И. Брежнева легли в основу разработки советской внешней политики… А Ленин, а Программа партии?! И какие это теоретические труды?!

Тем не мене наш текст в конце концов оказался действительно сдержанным и почти без преувеличений. Обидно только, что мне не удалось добиться снять слово «скромность», которая отличала покойного. Воспротивился особенно Тяжельников, ссылаясь на официальную биографию.

Зимянину текст понравился и почти без поправок он послал его на Политбюро. Но ничего нам не рассказал, кроме того, что похороны 15-го, а публикация о смерти завтра.

В это время звонит Пономарев:

- Закончили? Заходите.

У него сидят Брутенц и Шапошников. Рассказал как он узнал, когда собирался ехать на работу. Сообщил, что на ПБ принято решение рекомендовать Генеральным секретарем Андропова и что внеочередной Пленум ЦК состоится в пятницу.

Долго ругал медицину, Чазова – бездарного врача, проныру и даже как никудышного организатора: реанимация приехала только через 20 минут! Это надо же!

Но вместе с тем, между ним и Карэном произошла любопытная «дискуссия»:

Карэн: Наверно, и те нагрузки, которые у него были в последнее время, - оказались не по силам.

Б.Н. (с раздражением): Какие нагрузки? Что вы, Карэн Нерсесович! Какие нагрузки?! Вы же не знаете? А я то знаю – три дня в неделю выходные, не считая субботы и воскресения. Заседание Политбюро? Да, вы сами должны были видеть, бывали там: Черненко готовил все бумажки, фразы, реплики… Александров – все краткие замечания. Все это крупными буквами. Прочтет – принято, следующий вопрос – принято! Так и штампуется.

Карэн: Ну, я то хочу сказать, что даже это было уже непосильной нагрузкой.

Б.Н.: Нет, нет! Не спорьте. Я не согласен. И потом – умер он от сердца, а не от мозговой перегрузки.

Сказано это было уже с явным раздражением и безапелляционно. Он ведь очень не любил покойного (взаимно), очень невысоко ставил его умственные способности и,

особенно, его компетентность. Его всего передергивало, когда рядом оказывались слова «Брежнев» и «теория», «марксизм».

А в споре с Карэном его завело, видимо, то, что он, Пономарев, старше, а вкалывает с утра до вечера, и еще как вкалывает, все пять, а то и шесть дней в неделю и, так сказать, имеет право утверждать, что «работая, работает!»

Потом вернулись к делу. Б.Н. не может, чтоб не подсуетиться и не внести «свой» вклад. Задумал, наряду с обращением к народу, - обращение к коммунистам мира. Карэн изобразил это на двух страницах, Б.Н. просит меня почесть. Читаю. Говорю: подходит, только здесь пышнее, чем мы делали «руководствуясь указаниями» (о сдержанности и без культизма).

(Сегодня на похоронной комиссии Б.Н. попытался навязать этот текст. Ему сказали: Разошлите, посмотрим!)

А теперь о главном – об Андропове. Это очень хорошо, что он станет Генеральным. Думаю, тот разговор его с Брежневым, о котором мне рассказал Арбатов 7-го числа, сыграл роль своего рода «политического завещания» в его пользу.

Но у него плохое здоровье, у него мало времени, чтобы оставить след в истории. И раскачиваться, осторожничать, вживаться будет некогда, да и опасно – этот «процесс» затягивает и расслабляет, притеревшись, труднее будет рвать. В рвать надо со многим.

Если позволительно с «пикейно-жилетного» угла – я бы предложил такую «программу».

Цель - накормить народ и восстановить интерес людей к труду.

Методы и главные проблемы:

1. Ликвидировать брежневскую инфраструктуру - всех этих родственников, прихлебателей, любимчиков, всяких притащенных из Молдавии и Днепропетровска: Трапезниковых, Павловых [тогда управляющий делами ЦК], Голиковых, Тяжельниковых, Щелоковых... Виллы, загородные дачи, охотничьи хозяйства, раздутую охрану, сотенную, если не тысячную челядь. Это - для возрождения морального права лидера.

2. Уйти из Афганистана.

3. Сказать Ярузельскому, чтобы выкручивался сам и всем дать понять, что в Польшу не полезем ни при каких обстоятельствах.

4. Принять в отношении соцстран декларацию типа хрущевской 1956 года (которую тот тут же попрал в Венгрии). Отбросить принцип - что не по-нашему, то долой, недопустимо и не позволим. Пусть делают, что хотят.

5. Убрать СС-20 из Европы.

6. Обуздать военно-промышленный комплекс. Открыто начхать на американский шантаж и сократить численность армии вчетверо.

7. МИД поставить в подчинение ЦК. Назначить полномочного секретаря ЦК по международным вопросам. Но кого? Б.Н. явно не подходит.

8. Отпустить всех диссидентов за границу во главе с Сахаровым - и тех, кто сидит, и тех, кого Андропов еще не успел посадить.

9. То же - в отношении всех желающих евреев. И одновременно объявить вне закона антисемитизм. Приравнять евреев хотя бы к армянам в «системе дружбы народов».

10. 70%-80% министров на пенсию. 11. Реальную самостоятельность республикам, в том числе автономным. Реальные права - обкомам. И всемерное поощрение горизонтальных связей между областями.

12. Снабжение городов, промышленных центров - за счет областных и районных ресурсов. Централизованный фонд - минимум: для столицы и кое-каких еще.

13. Отдать все пустующие земли пенсионерам и вообще всем, кто захочет взять, не важно для каких целей.

14. Сократить аппарат ЦК, но возвысить роль отделов ЦК. Поставить их над министерствами, чтоб трепетали и знали острастку. Освободить отделы от текучки, от административно-регулирующих функций.

15. Пропаганда. Покончить с культовщиной (это само собой), но тщательно следить, чтобы она не пролезла в щели вновь.

Дать больше прав прессе - в том числе и в отношении критики партийных инстанций. Свободу выражения мыслей, идеи и манеру бичевать, звать, вдохновлять, говорить народу правду, вообще разговаривать с народом, объяснять и объясняться - черпать из литературных журналов, из произведений, вновь приближающихся к великости русской литературы. В концентрированном виде «Правда» должна всему этому показать пример.

Это - программа-минимум. И уже в первый год Андропова ее должны почувствовать. Иначе все увязнет вновь.

Самое тяжелое здесь будет даже не преодолеть сопротивление, а - что делать с «отходами», с оставшимися не у дел военными, так называемыми «учеными», паразитами от пропаганды и общественной активности, теми, кто будет выброшен из госпартаппарата, особенно из идеологической сферы? Из них образуется бо-о-о-лотный социальный слой опасных безработных...

Посмотрим. Но хочется надеяться. Завтра Пленум… Но скорее всего дело ограничится избранием Генерального Секретаря.

<u>12 ноября 82 г.</u>

Был на Пленуме. Я пришел в Свердловский зал, как всегда, загодя, чтобы успеть занять место. Неприятно поразило поведение людей, когда начали сходиться и рассаживаться. Поцелуи взасос «старых друзей» (полгода не виделись!), «партейные» шуточки, пустяковые разговорчики, хаханьки, подначки. Будто ничего такого не произошло... Как обычно: демонстрация душевного бескультурья и внутренней неуверенности, прикрываемая бодряческой показухой своей значительности.

Зал, как всегда притих на несколько минут до 11-ти. Все напряженно ждали, кто появится первым из дверей президиума.

Первым вышел Андропов, остановился почему-то тут же у двери. За ним - Черненко, через пару шагов - остальные. Поднялись к столу президиума. Зал встал. Так продолжалось около минуты. Потом Андропов спустился к трибуне и стал говорить. Никто никому слова не давал. Закончил словами: «Пленум чрезвычайный и мы должны решить сейчас один вопрос - об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС. Прошу высказаться по этому вопросу». И пошел на свое обычное место рядом с Устиновым.

Без паузы встал Черненко, спустился к трибуне. Проговорил 7-10 минут. Я шепнул Бовину: «У К.У. речь-то получилась выразительнее, чем у Ю.В.» Он мне: «Так тому писали Шишлин и Блатов, а этому - его помощнички - не справились, недоучли».

Но в обеих речах уже нет культизма, нет явных подхалимских преувеличений, есть завышенные оценки, диктуемые политическими соображениями. И это – естественно.

Когда Черненко «от имени Политбюро» назвал кандидатуру Андропова, разразилась долгая овация, которая шла волнами, то утихая, то разгораясь. Очень уж «устали» от прежнего.

Черненко держался спокойно, уверенно и, показалось, искренне - за Андропова.. И в общем-то тогда, наверное, понимал скромность своих возможностей и явное превосходство Ю.В.

Так что - свершилось! Потом гурьбой, группками пошли через обычно запертые Никольские ворота к Колонному залу. Демократично, без рангов окружили гроб - кто где успел встать. Справа - человек 50 родственников и волкодавы - мрачная охрана. Плачущая

Виктория Петровна, рядом сын, тоже плачущий. Б... дочка. Смотрит на всех зло. Баба видная, явно еще далеко не утешенная... Минут через 20 пришли Андропов и члены Политбюро, смешались с общей нашей толпой. Так простояли минут 15. Потом главные пошли соболезновать «родным и близким покойного», а остальные - на выход.

Арбатов, когда мы с ним и Бовиным шли в толпе ЦК'овцев прощаться с гробом, переключился на тему, что сейчас немедленно, не откладывая должен сделать Ю.В., изложил свою «программу для Андропова»:

а) прогнать премьера (Тихонова) и поставить на его место Горбачева;

б) прогнать Федорчука (после ухода Андропова в ЦК он был назначен председателем КГБ) и поставить на его место Крючкова, тем самым обеспечить себе прочный тыл для всех дальнейших дел;

в) посадить умных ребят переделывать подготовленный для Брежнева доклад к 60-летию СССР. Ибо это будет - тронная речь Андропова;

г) создать параллельно с аппаратом ЦК и впредь до его коренной перестройки личную канцелярию («А тебя во главе», - съязвил задыхающийся на быстром ходу Бовин);

д) прогнать из пропаганды Трапезникова (который, как опять же добавил Бовин, ни разу не сделал «ладушки-ладушки», когда пленум приветствовал избрание Андропова). Это будет сигнал, который хорошо воспримет интеллигенция;

е) прогнать Щелокова, в частности, и в целях восстановления морального престижа власти.

И не тянуть. Промедление означает втягивание, привыкание, а потом окажется - поздно. Тогда пойдет все на круги своея и лопнут все надежды.

Вернулся в Отдел. Б.Н. опять поразил своими «инициативами». Использовать в пропаганде съезд «гостей» – представителей от государств и партий, чтоб показать, как во всем мире высоко оценивают нашу партию и ее политику. Завтра мне писать записку в ЦК на эту тему, но при этом сообщу о том, что мне по телефону сказал Замятин. Ему позвонил Андропов и сказал: «Действуй без всяких решений, чтобы средства массовой информации использовали «Ильичеву смерть» в нашу пользу».

Поток соболезнований и просьб прибыть на похороны, действительно, ошеломляющий и по содержанию, и по количеству. С именем Брежнева связали значимость нашей страны и политики в мире.

13 ноября 82 г.

День прошел на работе. В суете перед наплывом траурных делегаций. Б.Н. опять отличился. Два дня он отваживал нас, замов, от того, чтобы «приглашать» делегации, больше того – делать так, чтоб всякая мелочь не ехала. Отсутствие элементарного чутья (при таком-то опыте). Они и не стали спрашивать: сами приходят в посольства и «зацапывают» билеты. В результате почти без исключения все лидеры компартий устремились в Москву. Итальянцы едут в составе: Берлингуэр, Пайетта, Буффалини!

Совершенно ясно: уход Брежнева хотят использовать, чтоб закрыть все темные и неприятные страницы и начать все по-новому в МКД. Но Б.Н.'у это не дано понять. Единственный вывод, который он делает: надо воспользоваться – проэксплуатировать как следует этот наезд, чтоб доказать, какие мы великие, хорошие, как нас все уважают и признают нашу правоту. Нет ничего дальше от действительности.

Жизнь, если и учит его, то на пару дней. Когда он увидел, что наплыв не остановить, он начал суетиться и ругаться – почему до сих пор (!) не все предусмотрено в смысле встреч, обхаживания, размещения, прикрепления и т.п. Я попытался ему напомнить, что еще вчера вечером он на меня шумел по поводу того, что Шмидт из Западного Берлина, и Турок, и Каштан хотят ехать. Он озлился.

Вообще ему бы самое место сменить Топорикова в роли зав. сектором обслуживания.

Рассчитывать на то, что при нем можно будет начать новую политику в МКД – дохлое дело. Даже, если Андропов будет «за». Но у него руки не будут доходить, чтоб вникнуть. А всем другим – до лампочки: пусть, мол, там Пономарев копается.

А в Отделе шушукаются. Кто будет ведать идеологией в Политбюро, кто международными делами? И все рассчитывают, что «нашего», наконец, поднимут. Вряд ли. Да и не надо. Пользы от этого теперь не будет. При Брежневе-Суслове он еще сходил за прогрессиста. Теперь же он – ретроград.

А главное – у него нет собственной позиции, кроме неистребимого порыва употреблять МКД в качестве пропагандиста и защитника великих достижений реального социализма.

14 ноября 82 г.

Сегодня встречал на двух аэродромах: Флоракиса, Вассало, Геса Холла, Макленнана и проч. Бывало за 50 минут успевал от Шереметьево до гостиницы в Плотниковом и обратно. В машине объяснял, что значит избрание Андропова и как это происходило, как мы понимаем реакцию на смерть Брежнева на Западе и как собираемся это использовать.

Пришел домой поздно.

16 ноября 82 г.

Похороны. Члены ЦК - привилегия! - собрались в Охотном ряду у Колонного зала. Помню поразило меня, что один я стоял (и потом шел), сняв шапку. Остальные - человек 300 - в своих пыжиках и ондатрах. А ведь не 30 градусов ниже нуля, как 29 января 1924 года, а + 7-8! Потом многие, кто видел процессию по телевидению, удивлялись и возмущались этой демонстрацией бескультурья, пренебрежением к народному, вековому обычаю.

Впрочем, на этот раз, судя и по похоронам и по обстановке на пленуме, «по большевикам (не) прошло рыданье» и «(не) стала величайшим коммунистом-организатором сама Ильичева смерть». Сейчас специально взял Маяковского «Владимир Ильич Ленин». Пробежал – и опять до слез. Формально было все почти так же… По существу – совсем не то. Смерти Брежнева ждали… Когда же, когда кончится эта профанация власти, идеалов, красивых фраз и слов? Когда же кончится эта мертвящая хватка живого трупа!

Спустя примерно неделю я был в одной «академической» компании, люди из разных институтов (среди них трое моих друзей). Дело было за городом, засиделись за полночь. Разговор крутился, понятно, вокруг «смены вех». И я задал провокационный вопрос: а что говорят в ваших, интеллигентских, кругах об «ушедшем от нас»?

Один за другим, более или менее «страстно» стали высказываться. Всех перебила женщина, кстати, не академической, а артистической «принадлежности» - Людмила Перепелкина и обобщила так: "Говорят, что общий итог - с большим минусом. И какой может быть оценка Генерального секретаря, который коллекционировал иностранные марки автомобилей; который мог принять по случаю вручения ордена республике алмазный перстень в несметное число каратов; который рассажал на теплые местечки своих родственников и собственноручно перед лицом всего народа вручал орден своему сынку, алкоголику и валютчику, каждый вечер погружаемому в машину у подъезда Министерства внешней торговли в бесчувственном состоянии; который сделал чуть ли не министром своего зятя, пьяницу и лихоимца, увешивавшего себя, мальчишку, боевыми орденами за Отечественную войну; который допустил, что его дочка открыто и нагло вела себя как вульгарная блядь, воровка и хозяйка самой большой "малины", какую только знала когда-

либо Москва; который брал из государственного кармана на свои прихоти, охотничьи угодья, дачи и виллы, на содержание своей челяди миллионы и миллионы; который навез в Москву со своих прежних мест работы дружков и подхалимов и вручил им ключевые посты в государстве, где они тоже не стеснялись лазить по государственным карманам, к тому же нагло демонстрировали ворованное богатство и роскошь; который наградил самого себя звездами героя 4+1, первую из которых за подвиги в войне он взял спустя 20 лет после ее окончания; который позволил развязать вокруг себя вакханалию восхвалений, в тысячу раз превосходящих его действительные заслуги; правление которого отмечено падением престижа коммуниста, невиданном в истории партии; при котором воровство, взяточничество, коррупция, злоупотребление служебным положением приобрели размеры, превзошедшие описанные Гоголем и Щедриным... А когда кого и ловили, вроде Мжаванадзе (первого секретаря Грузии) или Медунова (первого секретаря Краснодарского крайкома) или министра рыбного хозяйства Ишкова (дело «Океан»), то они отделывались переводом на хорошую должность в столицу. Этот человек довел страну, если не до голода, то до постыдного разорения - до такого положения, что даже в крупнейших промышленных центрах нет не только мяса, но и масла, молока, овощей, фруктов, круп, даже хлеб - с перебоями. При нем «пропаганда успехов» пришла в такое вопиющее противоречие с очевидными фактами, что стала предметом всеобщего отвращения и насмешек... и, увы! источником нравственного разложения молодежи. Пьянство и алкоголизм достигли масштабов, не виданных за всю историю России. Он «подарил» нам Афганистан, что бы там ни врали об интернациональном долге и о безопасности нашего «подбрюшья»!...Вот что говорят и как оценивают «ушедшего от нас», к сожалению, с большим опозданием!», - заключила эта красивая дама.

Символично и то, что «безмолвствующий народ», собранный на Красной площади для прощания с Брежневым, отобранный народ, был замкнут в прямоугольное каре из двух цепей в военном и в штатском. И они не разомкнулись, пока с трибун не ушел последний человек из «элиты». Стыдоба! Но и многообещающе!

Словом, Юрию Владимировичу досталось ох! Какое наследство! И дай ему Бог мужества и здоровья расчистить сначала авгиевы конюшни и открыть какой-то выход из явного тупика, в который заведена великая страна.

Александров-Агентов («Воробей») оставлен помощником Генерального секретаря, Блатов и Цуканов сделаны консультантами при Генсеке, Голиков тоже.

Посмотрим, что будет на Пленуме 22 ноября. Что-то должно уже обозначится, хотя бы уж потому, что надо восполнять вакансии трех членов Политбюро, назначать кого-то председателем Президиума Верховного Совета и председателем КПК, как-то реагировать на алиевщину и т.п… Кого-то ставить во главе идеологии…

Но нельзя, нельзя поднимать нашего Б.Н.'а. С его полицейско-пропагандистским образом мысли и действия и абсолютным пренебрежением к реалиям социально-политических процессов.

Вчера провожал Макленнана, пытался расшевелить его насчет новой концепции МКД… Он отмолчался. Завтра Б.Н. будет принимать Гэса Холла и Каштана.

19 ноября 82 г.

Утро. Перед проводами Гэса Холла. Замучился на этих проводах, каждый день «обед» и «ужин», говорю, говорю, говорю – о Китае, о визите туда Марше, о впечатлениях западников, встречавшихся здесь с Андроповым, об испанской компартии, о «новом интернационализме», о том «что делать» с МКД, об Афганистане, о патриотизме для не правящей партии, о том, что у нас (как в Канаде) все, кто не «пролетарий», даже 40 лет после 1917 года, изображались «сукиными сынами». А теперь вот спохватились (поток

художественной и исторической литературы)… Но моральный фактор оказался самым отстающим и тянет всех нас, держит, - боже – о чем я только не говорил, «очаровывая интеллектуальностью» Центрального Комитета и стараясь зализать ужасающее впечатление, которое они получают от встреч с Пономаревым – от его примитивной детсадовской дидактики, от поучений, от почти неприкрытого «требования», чтобы КП служили нам.

А главное – от его внутреннего бескультурья, явственно ощущаемого неуважения, граничащего с хамством, от его плебейского высокомерия… Он уже совсем перестал ощущать, что не будь всех этих Каштанов, Вильнеров, Урбана и проч. мелочи, он никому совсем был бы не нужен. Потому, что с Менгисту, Асадом, Ганди и Марше сумели бы общаться через его голову (что и делается!)…

Беда! Какой уж тут «новый подход» к МКД!

… Пишем таки для него статью в ПМС о международном (пардон: всемирно-историческом) значении похорон– и для этого я распорядился пустить под нож уже готовый тираж ПМС за № 12.

20 ноября 82 г.

Трехчасовой разговор с Гэсом Холлом. Как всегда – нудный. Он неинтересный человек, хотя единственный, кто еще может кое-как быть лидером компартии в современной Америке. Зато он оживился, когда рассказывал о поездке по стране – митинги, которые по большей части проходили в церквах при содействии священников. И тут же в церквах происходила вербовка в КП – списки загодя составляли те же священники. О том, что нынешнее движение за замораживание ядерного оружия – это дело епископов, объявивших грехом не только поддержку такого оружия, но и работу на предприятиях, где оно производится.

Случай с молодой женщиной, признавшейся священнику на исповеди, что она вступила в КП… и как ее восстановил в партии архиепископ.

Гэс с детским восторгом обо всем этом рассказывал.

Не будет Гэса Холла, не будет и партии.

Вечер с Вассало – честнейший и, пожалуй, умнейший из знакомых мне коммунистических лидеров. «Пользуйтесь «шоком» (по случаю смерти) – и во внешней политике, и в МКД, отбросьте рутину. Соберите, например, делегации КП на 60-летие СССР – просто на чай, для непринужденной беседы – лучше всякого Совещания», - советовал он.

Б.Н. в порядке предупреждения меня от разочарования (что его на Пленуме не изберут) сообщил «доверительно», что больших перемен не будет: одного сделают членом Политбюро, чтобы поставить первым замом при Тихонове и сделают какого-то секретаря обкома Секретарем ЦК по экономике (фамилию не назвал).

Алиев?! Неужели этого жополиза и проныру готовят нам в премьеры? И еще один плохой сигнал: звонил Арбатов из Волынского, в полном расстройстве – их с Бовиным попытка что-то внести в текст речи Генсека на Пленуме по экономике – была погашена с пренебрежением и без объяснений. («Мы не привыкли к такому обращению», - кисло заключил Юрка, видимо, решивший, что пришло «его время» быть серым кардиналом… Ан – нет!)

Неужели все вернется на брежневские круги? Или это выжидательная тактика, которая, однако, приведет только к тому, что воду быстро затянет тиной.

30-го еду во Францию – партийная делегация.

21 ноября 82 г.

В переходные дни «от Брежнева к Андропову» я читал роман Юрия Давыдова «Две связки писем» - о знаменитом народнике Германе Лопатине. Там он приводит выдержку из дневника Льва Тихомирова, ренегата «Народной воли», разочаровавшегося в революции и перешедшего на службу царю и Столыпину. Я выписал оттуда пару абзацев, относящихся к 1905 году. Вот они: «Вообще говоря, не видно кругом ни одного «исторического» человека. Мы все опустились в маразм. Россия, сдается, уже отдана на произвол «естественного течения дел». Пропасть в буквальном смысле она, может быть, и не пропадет, но весь государственный и церковный [для советского времени читай – «идеологический»] строй изменятся, и даже странно было бы держать формы, утратившие дух, а, стало быть, и смысл. Было бы лучше, если бы мы находились под гневом Божьим: после гнева и наказания могла бы явиться милость. Но, возможно, что мы уже дошли до того, что просто «выпущены на волю» - живите как знаете.

Ужасное время! Русская Россия идет в трубу. Гниль духовного разврата перемешана с тупым неверием и развратом материалистическим. И вся эта грязная тина обволакивает людей верхов.

Ну что же, фантазии исчезают, действительность остается. И как странно: все гениальные представители русского духа – Хомяков, Достоевский, В. Соловьев, Л. Толстой, - все только фантазировали. Все, что искрилось в них национального, в самой-то нации, значит, не существует? А тени Маркса и Энгельса ухмыляются: говорили мы, дескать, вам, дуракам, что ничего национального не существует, а все «выразители русского духа» просто выразители «классового» дворянского самосознания!

Если исчезнет Россия, последняя страна, от которой человеческий мир мог бы ожидать нового слова, то и антихристу путь проторен.

Нет у них дела, где бы я годился, лучше уж плюнуть на все и снова стать публицистом».

Это – образчик того, чем занимается и куда идет наша великая русская литература и куда она ведет дело. Подлаживаясь под стилистику «того» времени и даже, видимо, под стиль Тихомирова, автор берет за горло все самые актуальные и глубинные вопросы «современной России». Есть у него и ассоциации с Октябрьской революцией и с фашизмом – но главное: куда идем и что делать сейчас?! Есть ли сейчас «историческая личность» и может быть, правда, насчет «государя уже устарело в связи с «последними событиями»?

Нынешним Лопатиным, Тихомировым и прочим Бурцевым, всяким Арбатовым, Бовиным, Брутенцам, мне, грешному, и многим подобным очень уж хочется, чтобы Андропов стал тем «историческим человеком», спасителем России, о котором думал Тихомиров.

Почему-то ее надо постоянно спасать (!)... И опять же во благо всего человечества, а теперь уже и жизни на Земле, ибо если «генеральная линия» будет продолжена в принципе, то катастрофы не миновать.

Кстати, вышел у меня с Б.Н. позавчера такой разговор. Показывает он мне шифровку от посла из Вены: Крайский предлагает свои услуги. Он едет к Рейгану и готов «выполнить любые поручения», которые Москва сочтет полезными в этой связи. Готов содействовать созыву большой встречи Андропова с верхами социал-демократов (Пальме, Брандт, сам и проч.), короче говоря, тоже в эйфории надежд в связи со сменой руководства в России. И между прочим, во благо разрядки просит=советует немедленно выпустить за границу всех диссидентов и евреев.

Говорю Б.Н.’у: обо всем прочем я выскажусь сейчас, но с чего бы начал – так это с полного согласия насчет диссидентов – и во главе бы с Сахаровым.

Б.Н.: Нет, Анатолий Сергеевич, я с вами не согласен. Что же это получится? Сколько их? Может быть, тысяча. И эту тысячу мы пустим, чтоб они рассказывали как там (?) было (намекает на места заключения). Такой материал антисоветчикам…

Я стал возражать, мол, выдохлись они все уже там во главе с Солженицыным, да и публике надоели все эти рассказы. А вот одним махом ликвидировать этот раздражитель и источник антисоветизма, действительно было бы такой заявкой на новую политику.

Нет, нет! И чего я жду от этого полицейско-пропагандистского мозга!

А каков Давыдов-то! Роман кончил прямо-таки угрозой: грядет новый Лопатин…

12 декабря 82 г.

Пленум 22 ноября кое-что привнес в стилистику, но пока еще мало заметное. Черненко, кажется, охотно и без ревности принял вторую роль.

Второе событие за этот период – поездка во Францию: с 30 ноября по 8 декабря по партобмену. Со мной были Петровичев, Иванова Т.Г. (первый секретарь Калининского РК Москвы), Хабегишвили (секретарь ЦК Грузии), Игрунов (зав. сектором организационного партийного отдела), два наших референта – Гусенков и Моисеенко. Париж – ЦК ФКП – трижды, три федеральные партийные организации.

20 декабря 82 г.

Совсем некогда писать, а есть о чем. Началась страда 60-летия СССР. Сплошные делегации. А моя главная работа – переводить с русского на русский речи, которые они произнесут здесь. Между прочим, отредактировал около 70 штук. Что называется, преисполнены интернационализма. Даже итальянцы, которые и с намеками, признали роль СССР в решении национального вопроса.

Был на Политбюро – совсем другая картина (по сравнению с мертвящей атмосферой при Брежневе): свободно говорят, бросают реплики, дискутируют. Андропов, как и на Секретариате, выуживает главное и делает практические выводы=задания.

Вчера встречал англичан (Халверсон и женщина) и ужинал с ними в «Советской». Джавад опять блеснул обаянием, объясняя им, что такое Советский Союз. У женщины – она впервые у нас – квадратные глаза, а главное видно было, как рушится в ней стереотипное представление «советского аппаратчика». Я же, вместе с Кузнецовым и Арбатовым, должен был встречать Гэса Холла. Самолеты шли один за другим. Я попросил оттянуть начало ужина с ними на Плотниковом, прискакал к ним к мороженому, но успел их позабавить – что им предстоит здесь делать и какая раскладка у нас получается на праздновании (в смысле делегаций, речей и проч.).

А потом, часов уже в 11, Юрка Арбатов подхватил меня под руку и стал водить по переулкам. «Наверно, - говорит, - попал в опалу… Может быть, действительно, взял через край… В пятницу написал Андропову записочку. Так от себя, личную. Ну, знаешь, наши отношения позволяют. Я это не раз делал. Официальные записки, как директора Института – это совсем другое».

- Что же ты там написал?

- А вот: мол, вы не видите, как вас изолируют. И пока вы еще не огляделись и не успели во все вникнуть, кое-кто хочет вам подсунуть вам свою политику – так, чтобы общественность восприняла ее, как вашу, а вы окажетесь перед свершившимся фактом. Например, мол, Волков, трапезниковский зав. сектором, ездит по институтам и дает инструкции. В ИМЭМО он заявил: бросьте заниматься конкретной экономикой, надо разрабатывать политэкономические категории. И не дал никому даже рта раскрыть. В культуре – запрещают «Бориса Годунова» у Любимова, снимают «Самоубийцу» Эрдмана в

Сатире… Кто это делает и зачем? И в качестве итога: вам, мол, нужна интеллигенция, это обеспечит поддержку вашей политики в народе. А вот такие штучки уже вызвали всякие разговоры: «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!»

Я так и присел. Ну, думаю, даешь. Впрочем, это очень присущая ему манера – быстро переходить на фамильярность. В самом деле, зарвался. Но говорил я ему другое. Успокаивал, хотя «строго»

- Ну, и что дальше?

- А дальше вот что. Сидим мы вчера с женой, звонок в дверь. Открываю – фельд: «Вам конверт». Смотрю – из канцелярии Генсека. Короткая записка, но на машинке с личной его подписью. Сразу бросилось в глаза – на «Вы». Лет 15 так не было. Уж лучше бы снял трубку и изматерил. Что, мол, «Вы» такое пишете. Ну – Волков и что? Если он говорит неправильные вещи, его можно поправить. И почему Вы это хотите через меня. А потом – почему к Вам сходятся все эти сведения. Ведь в Вашем Институте он не выступал… Спектакли… Если кто-то кого-то покритиковал, что за беда. Почему надо вмешиваться на высоком уровне. А что касается «Самоубийцы», то его еще в 1932 году сняли со сцены.

Вот все в таком духе. Словом, поставил на место.

И понес Юра всех подряд, заодно расхваливая свою незаменимость и необходимость: «Как он не может понять и оценить, что это я, со своей международной репутацией, создал ему реноме на Западе, да и у нас. Он, благодаря мне, так быстро отмылся от Лубянки… А, может, он отыгрывает перед своими коллегами? Интересно, он кому-нибудь показал эту записку? Вот, мол, как я этих зарвавшихся непрошеных советчиков! А время уходит, у него всего несколько лет, а он тянет. Думает, снял Тяжельникова, убрал Федорчука – и дело в шляпе! Нет. Он уверен, что тот же Федорчук при Брежневе не завел на него досье, чтоб подсунуть членам ПБ, когда потребуется его прижать?» И самое страшное с точки зрения Юрки – «он отдаляет людей, которые способны говорить ему в глаза полную правду».

Мои успокоения: не верю я в интриги ни против тебя, ни против Андропова. Черненко устраивает его прочное второе место, он не претендует на первое и это видно по тому, как он повел Секретариат. Не верю я и в твою опалу. Но на место он тебя, возможно, решил поставить (про себя думаю: надоело ему твое нахальство в навязывании мнения и критериев). Что касается Волкова, то тут ты, пожалуй, прав: Трапезников и Зимянин стараются просунуть ногу в дверь, чтоб потом трудно было захлопнуть. И сталинистскую активность Волкова (он, кстати, апеллировал к «Экономическим проблемам социализма» Сталина) подкидывают, как новое слово «нового этапа». Но Трапезников долго не усидит. Б.Н. мне еще до отъезда в Афины говорил, что дело только за тем, чтобы найти замену. Трапезников давно держался только тем, что его привез в Москву Брежнев.

Что же касается спектаклей, то я бы не брал на себя роль глашатая советской интеллигенции. Во всяком случае «Бориса Годунова» на Таганке сначала надо бы посмотреть. Я, например, слышал, что это вопиющая пошлость и надругательство над Пушкиным во имя обычной любимовской хулиганско-политической фиги в кармане. Самозванец там в тельняшке и с маузером и т.п.

Но в целом – «успокаивал». Он не то, что испугался. Пугаться ему в самом деле нечего – «дальше фронта»=Академии наук не пошлют. Но замельтешил по поводу того, что у него осеклось с превращением в Киссинджера при Андропове, а это – его голубая мечта, хотя надо признать, не по мелкому тщеславию и, конечно, не из-за карьеры (ехать ему выше некуда), а по причине самовыражения крупной личности, каковым он себя мыслит и не без оснований.

25 декабря 82 г.

60-летие СССР. 140 делегаций, 140 речей, которые за несколько дней пропустил через себя (каждая по 3-5 страниц): превращение в русский литературный текст, снятие глупостей – фактических, политических, теоретических – «согласование» этих изъятий и исправлений с ораторами, сокращение текстов при колоссальном сопротивлении авторов (без сокращений «Правде» их пришлось бы публиковать до середины января), порядок публикации в «Правде», потому что выступали повсюду – на заводах, в домах культуры, в Большом театре, в Колонном зале, в Ленинграде, Киеве и т.д. Очумел от мелькания одних и тех же мыслей, восклицаний, фраз, восторгов, похвал. Но и мысли есть… Но были и перлы. Например, черный Уинстон – председатель КП США – хотел начать свою речь так (в Колонном зале):

«… Для меня – высокая честь выступать в том же самом зале, в котором 58 лет назад лежало тело великого вождя Октябрьской революции, а совсем недавно лежало тело другого великого ленинца, и кроме того, я выступаю под огромным впечатлением речи третьего великого ленинца, тов. Андропова, который обещал выполнить решения XXVI съезда КПСС».

Пришлось уговорить его поехать в Ленинград, где ему предстояло выступать в совсем другом зале.

Безумно надоели беседы встречи=проводы делегаций. Им, кажется, интересно (по моей встрече с Каштаном и Джаганом во время похорон Брежнева, эти две партии провели даже пленумы). Но мне приходится выламываться, потому что я знаю, что все это впустую, все это холостая межпартийная дипломатия, которая практически ни для кого ничего не значит.

Завтра предстоит обед с испанскими социалистами и ужин с делегацией Канады.

Сегодня выставил государство на 25 тыс. рублей, заставив «Правду» переверстать набор речей, - не в том порядке расположили.

26 декабря 82 г.

Делегации много говорят о докладе Андропова. И почти все начинают с того, что он – краток. Второе качество, всеми замеченное – критичен и самокритичен. Третье – без громкостей. Отражает стиль дела и требовательности. Все ждут от нас крупных, заметных во всем мире перемен, которые затмили бы и Афганистан, и Польшу, и заставили бы забыть, созданную на Западе, целую «брежневиаду» (об использовании власти для самообогащения, о кумовстве – везде родственники, о неуемном хвастовстве, о демонстративном представлении маразма в качестве мудрости, о коррупции и проч.). Коммунисты там тоже устали отбиваться от всего этого, а некоторые – не выдержали. «Юманите» вышла с аншлагом: «Декларация надежды» (правда, только о внешнеполитических предложениях доклада Андропова, но с намеком и на все остальное).

Кстати, Арбатов сообщил, что ему позвонил Александров-Агентов и «по поручению» поблагодарил за доклад (после того, как прочитал информацию об отзывах). Юрка считает это жестом «примирения».

1982 год. Послесловие.

Год может быть назван преддверием перестройки. В записках зафиксированы вяло текущий, но неизлечимый кризис – метастазы его проникли во все сферы жизни деградирующего общества. Вопиющий маразм высшей власти, убожество и цинизм подавляющего большинства руководящих кадров сверху донизу исключал надежду на перемены, разве что – с приходом «нового царя» (нового Генсека после Брежнева).

Наиболее умная, культурная, авторитетная из зарубежных компартий – Итальянская – публично заявляет (и обосновывает) об исчерпании импульса Октябрьской революции, т.е. о провале советского «социалистического эксперимента».

В «томе» – свидетельства фактического (не признаваемого открыто) признания невозможности реанимировать международное коммунистическое движение, ликвидация которого – как самостоятельного, целостного фактора мирового развития – началась еще при Сталине и еще до роспуска Коминтерна.

Советская художественная литература с поразительной откровенностью (хотя пока еще эзоповским языком) демонстрирует исчезновение в обществе тех критериев, признаков и потенций, которые позволяли ему претендовать на роль первооткрывателя новой цивилизации. Разочарование, беспринципность, моральное разложение и цинизм – повсюду и во всем.

В связи с «уходом» Брежнева автор записок и одновременно его друг академик Арбатов сочинили «для себя» программы преобразований внутри и вовне. Эти «фантазии» поразительно (особенно первые из них) совпадают с тем, что потом стало составной частью внутренней и внешней политики «нового мышления». Изложение их здесь не означает, что оба этих человека, оказавшиеся потом в команде Горбачева, предъявили ему эти свои «программы» и он взял их на вооружение. Это означает только, что обозначенные ими меры и идеи, что называется, «лежали на поверхности», были очевидны для каждого не потерявшего здравый смысл.

В «томе» много смешных теперь подробностей о том, как подобные авторам названных программ люди, работавшие во властных аппаратах, добросовестно выполняя служебные обязанности, вместе с тем пытались – с позиций именно здравого смысла – влиять на политические решения и поручения «вождей».

Сохранялись и иллюзии насчет некоторых из них, особенно Андропова. Оправданием может служить то, что «вожди» брежневской эпохи не были уж такими монстрами, как соратники Сталина. Они, может, и в самом деле лично хотели добра людям и стране. Но появившиеся на политической авансцене по критериям, заложенным сталинскими чистками, они демонстрировали собой посредственность, культурное ничтожество тогдашней так называемой «элиты». И, конечно, им не дано было понять, тем более – признать, что любым их «добрым начинаниям», – а такие кое у кого были, – не суждено осуществиться «по природе вещей»: **«система»** отторгнет любые существенные перемены или тихо поглотит их, лишив первоначального замысла, как уже бывало в 60–х и в начале 70–х годов.